

“А ЗАВТРА -ГДЕ ТЫ, ЧЕЛОВЕК ?”

**пьеса Алексея Дэлль-Василевского
по мотивам произведения Михаила
Евграфовича Салтыкова-Щедрина
“Господа Головлевы”**

В двух актах.

- 1995 -

Действующие лица:

Порфирий Владимирович Головлев - ИУДУШКА;

Арина Петровна Головлева - его МАТЬ;

Владимир Михайлович Головлев - его ОТЕЦ;

Степан Владимирович Головлев - его старший брат;

Павел Владимирович Головлев - его средний брат;

Анна Семеновна Головлева - его племянница;

Евпраксея - его экономка;

Улита - его вторая экономка;

Петр Порфириевич Головлев - его младший сын;

Владимир Порфириевич Головлев - его старший сын;

Володя - сын его от экономки Евпраксеи;

Отец благочинный - его уезда поп;

Доктор - его уезда деятель;

Кукишев - его племянницы ковалер;

старик Илья - его человек;

Прохор - лакей его;

Офицер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая

Огромный дом Головлевых. В гостиной темно, на антресолях за столом сидят ОТЕЦ -

*Владимир
СТЕПАНОМ и*

*Михайлович, со своими сыновьями:
ПАВЛОМ.*

СТЕПАН (*Павлу*). Да, брат, тяпнул-таки я на своем веку горя. Пора и на боковую! Не объем же я маманю, а куска-то хлеба чай, как не найтись! Вы как, папаня, об этом думаете?

ОТЕЦ. Представь на мысль плачевну Трюю, балбес.

СТЕПАН. Точно! А ведь деньжищ у нее целая прорва, а для меня медного пятака жаль! Я ведь всегда - то она меня, ведьма, ненавидела! За что? Ну, теперь, брат, шалишь! с меня-то взятки-то гладки, я и за горло возьму! Выгнать меня вздумает - не пойду! Есть не даст - сам возьму! Я, брат, отечеству послужил - теперь мне всякий помочь обязан! Одного боюсь: табаку не будет давать - скверность!

ОТЕЦ. А ты тряхни мудами, Аполлон. Ударь елдою громко в лиру. Наливай, Павлуша. Ему не надо, матушка его, балбеса, заругает.

ПАВЕЛ. Как скажите, папаня.

ОТЕЦ. Ладно, налей ему. Тоже, что ли, мытаря судить приехал? С Иудушкой-то?

ПАВЕЛ. Известно... (*Разливает водку*) На куски рвать. В ступе истолочь...

ОТЕЦ (*Павлу*). Дурак напившись умнее затем, что боле говорит.

СТЕПАН. (*выпивает*) Так я бурмистра за бока! может лысый черт и подарить барину!

ОТЕЦ. Нет, ты смотри, Павлуша. Хлебнул вина, разверзлась глотка.

СТЕПАН (*заводится*). Я, брат, понимаю! мне водка даже для здоровья полезна - мокроту разбивает. Мы, брат, как походом под Севастополь шли - еще до Серпухова не дошли, а уж по ведру на брата вышло.

ПАВЕЛ. Чай, очумел.

СТЕПАН. Не помню. Кажется, что-то было. Я, брат, вплоть до Харькова дошел, а хоть убей - ничего не помню. Помню только, что и деревнями шли, и городами шли, да еще что в Туле откупщик нам речь говорил. Прослезился, подлец! Да, тяпнула-таки в ту пору наша матушка-Русь православная! О купщики, подрядчики, приемщики - как только бог спас!

ОТЕЦ. А вот маменьке твоей так и тут барышок вышел. Из нашей вотчины больше половины ратников домой не вернулось, так за каждого зачетную рекрутскую квитанцию нынче дать велят. Ан, она, квитанция-то, в казне с лишком четыреста стоит. А тут Аннушка родилась. Умножилось число блядей.

ПАВЕЛ. А ты, Степа, во всем этом,- так и явись к маменьке.

СТЕПАН. Так, так, так ! Пятнадцать верст с лишком шел! Мигом охватаю! В пыли, в навозе - так и явлюсь!

ПАВЕЛ. Увидит маменька в костюме-то - может и пожалеет!

СТЕПАН. Пожалеет - как не пожалеть! Мать - ведь она старуха добрая!

ОТЕЦ. Это точно. Что она, что братец твой, Порфишка.

Двуножну тварь не свет пихнет

И нам ее она дарует.

ПАВЕЛ (*отцу*). Он здесь ?

ОТЕЦ. Не знаю сынок. Но чую - здесь.

СТЕПАН (*мечтательно*). Да, брат, Порфиша - в мать, а у нас она - умница.

ОТЕЦ (*Павлу*). Ты слышал ? Степан во аде с елдаком

Совсем было утратил мысли.

СТЕПАН. Да! И брат, и мать у нас - умницы! Им бы в министерстве командовать! А мамане министром следовало быть, а не в Головлеве пенки с варенья снимать. Знаете ли что! Несправедлива она ко мне была, обидела она меня, - а я ее уважаю! Умна, как черт, вот что главное! Кабы не она - что бы мы теперь были ?

ПАВЕЛ. А что бы мы были ?

СТЕПАН. Были бы при одном Головлеве - сто одна душа с половиной! А она - посмотри она, какую чертову пропасть она накупила!

ОТЕЦ. Будете, будете братцы при капитале! Внимайте, стройны небеса.

СТЕПАН. Будем. Вот я так ни при чем останусь - это верно.

ПАВЕЛ. Неужто ?

СТЕПАН. Да, вылетел, брат, я в трубу! А вы будете богатеть, особенно Кровопивушка. Этот без мыла в душу влезет.

ОТЕЦ . Куда ? !

СТЕПАН. В душу, батя. А впрочем он ее, старую ведьму, со временем порешит; он и именье и капитал из нее высосет - я на эти дела провидец! Вот ты, Павел-брат - душа человек! Увидите, тятенька, он мне табаку потихоньку пришлет! Пришли, брат! Сейчас тебе цидулу: так и так, брат любезный,- успокой! Э-э-эх, эхма! Вот кабы я богат был !

ПАВЕЛ. И что же ты сделал ?

СТЕПАН. Во-первых, сейчас бы тебя озолотил...

ПАВЕЛ. Меня зачем же! Ты об себе, Степа, а я и так, по милости маменьки нашей, Арины Петровны, доволен.

СТЕПАН. Ну нет - это, брат, аттанде - я бы тебя главнокомандующим сделал! Я бы перед тобой мои сокровища открыл - пей, ешь и веселись! А кабы не вы, понтировал бы теперь до дома предка моего! Наливай, батя!

ОТЕЦ. О, бодрость, сила наших веков,

Потомкам дивные дела!

О, храбрость пьяных человекoв!

ПАВЕЛ. А во-вторых ?

СТЕПАН. Сейчас бы штучку себе завел. В Курске, ходил я к владычице молебен служить, так одну видел... ах, хороша штучка! Веришь ли, ни одной-то минуты не было, чтоб она спокойно на месте постояла!

ОТЕЦ (*хохочет*). Хорошо! А я , сынок... Лет с пять уж етца не могу.

СТЕПАН. Все впереди, батя ! Все впереди!

ОТЕЦ. Правда?

ПАВЕЛ (*не унимается*). А может, она бы и в штучки не пошла ?

СТЕПАН. А деньги на что! Презренный металл на что? Мало ста тысяч - двести бери ! Я, брат, коли при деньгах, ничего не пожалею только чтоб в свое довольствие пожить! Я признаться сказать, ей в ту пору, через ефрейтора три целковеньких посулил - пять, бестия, запросила!

ОТЕЦ (*вскакивает*) . Курносых жоп и толстощеких,

Скотов имел, зверей и птиц!

ПАВЕЛ. Обождите, батя! (*Степану*). А пяти-то, видно, не случилось ?

СТЕПАН. Не знаю, брат, как сказать. Говорю тебе: все словно как во сне видел. Может, она даже и была у меня, да я позабыл. Всю дорогу, целых два месяца - ничего не помню! А с тобой, видно, этого не случилось ? Вспоминай, брат, вспоминай! А я покуда... и куда это ты полштоф засунул ?

ОТЕЦ. Да, Павлуша, давай. Ударим плешью по водам.

ПАВЕЛ. Да вот он. Зрения, что ль, лишились ?

СТЕПАН (*запевает в полголоса*). Спаси, го-осподи, люди твоя!

Выпивают.

ОТЕЦ (*пьянеет*). Тихо, сынок. Чую, мытаря судить идут. Фарисеи.

СТЕПАН. Ну что, теперь ладно! Тепло сделалось! Или еще?

ПАВЕЛ. Обожди пока.

СТЕПАН. Нет, ну ладно... Ах, прах ее побери, эту водку! Увидишь полштоф - так и подманивает! Пить скверно, да и не пить нельзя - потому сна нет! Хоть бы сон, черт его возьми, сморил меня!

ОТЕЦ. Ну и не мучь! Зря плоть свою уж полумертву.

СТЕПАН. Нет, батя, сперва выпили, а теперь и трубочки покурим! Не даст, ведьма, мне табаку, не даст. Есть-то даст ли? Обьедки, чай, какие-нибудь со стола посылать будет! Эхма! Были у меня денежки - и нет их! Был человек - и нет его! Так-то вот и все на белом свете! Сегодня ты и сыт и пьян, живешь в свое удовольствие, трубочку покуриваешь.

А завтра - где ты, человек ?

ОТЕЦ. Как ты сказал, сынок ? А ты ведь мудрец, Степа...

ПАВЕЛ. Однако надо бы и закусить что-нибудь.

СТЕПАН. Закусим, брат! Пьешь-пьешь, словно бочка с изъяном, а закусить путем и не закусишь. А доктора сказывают, что питье тогда на пользу, когда при нем закуска благопотребная есть, как говорил преосвященный Смарагд, когда мы через Обоянь проходили. Через Обоянь ли ? А черт его знает, может и через Кромь! Не в том, впрочем, дело, полноте, папенька, вы мне рассказывали: англичанин с англичанином об заклад побился, что дохлую кошку съест - и съел!

ОТЕЦ. Тсс... съел?

СТЕПАН. Съел. Только тошнило его после! Ромом вылечился. Две бутылки залпом выпил - как рукой сняло. А то еще один англичанин об заклад бился, что целый год одним сахаром питаться будет.

ОТЕЦ. Тсс. Выиграл?

СТЕПАН. А вы что, папаня, не помните?

ОТЕЦ. Нет, сынок. Ни хрена я ничего не помню. Плескаю вместо муд руками. Выиграл или нет ? !

СТЕПАН. Нет, двух суток не дожил - околел! Да ты что ж сам-то! Водочки бы долбанул?

ОТЕЦ. Сроду не пивал.

ПАВЕЛ. Папаня, может чайку приказать? Прямо сюда, на антресоли?

СТЕПАН. Чаем одним наливаешься? Нехорошо, брат; От того и брюхо у тебя растет. С чаем надобно тоже осторожно: чашку выпей, а сверху рюмочкой прикрой. Чай мокроту накопляет, а водка разбивает. Так что ли?

ОТЕЦ. Не знаю, детки; вы люди ученые, вам лучше знать.

СТЕПАН. То-то. Мы как походом шли - с чаями-то да с кофейями нам некогда было возиться. А водка - святое дело: отвинтил манерку, налил, выпил, - и шабаш. Скоро уж больно нас в ту пору гнали, так скоро, что я дней десять не мывшись был!

ПАВЕЛ. Да, много ты брат, трудов принял. Ну что, папаня, чайку?

ОТЕЦ. Ни хрена, водочки. Пора испробовать. Пока сюда не залезла. Эта... Богиня ада Прозерпина... матушка ваша.

СТЕПАН. Много не много трудов, а попробуй, попонтируйка по столбовой! Ну, да вперед-то идти все-таки нешто было жертвуют, обедами кормят, вина вволю. А вот как назад идти чувствовать-то уж и перестали! (*грызет колбасу*). Солоненька, брат, колбаса-то! Впрочем я неприхотлив! Мать-то ведь тоже разносолами потчевать не станет: щец тарелку да каши чашку - вот и все!

ПАВЕЛ. Бог милостив, Степа! Может, и пирожка в праздничек пожалует!

СТЕПАН. На чаю, ни табаку, ни водки - это ты верно сказал. Мне по дороге сказывал кучер, что она нынче в дураки играть стала - вот разве это ? Ну, позовет играть и напоит чайком. А уж насчет прочего - ау, брат !

ОТЕЦ (*берет рюмку, встает*). Благодарю богов моих... (*сдерживает рыдания, повышает голос*). Благодарю богов моих. Что за черт... Пашка, ты слышишь что-нибудь?

ПАВЕЛ. Вроде по комнате ходит кто.

ОТЕЦ. А кто ?

ПАВЕЛ. Маманя, должно быть.

ОТЕЦ. С Иудой ? Ну-ка, выгляни.

ПАВЕЛ (*смотрит вниз*). С ним.

ОТЕЦ. Мытаря судить идут... Фарисеи... Что, голубчик, попался ведьме в лапы! (*кричит петухом, идиотски хохочет*). Съест, съест, съест!

СТЕПАН (*тихо*). Съест.

*Свет медленно ослабевает, набирает силу внизу -
в зале - за столом - Матушка Арина Петровна с
сыном Порфишей чай пьют.*

Картина вторая.

Арина Петровна с Порфирием.

ИУДА. Не хорош он у вас, добрый друг маменька, ох не хорош! (*Бросается к ней на грудь*). Не жилец он у вас!

МАТЬ. Ну, поскрипит еще! гляди как кукарекает.

ИУДА. Нет, голубушка, нет! И хотя ваша жизнь никогда не была особенно радостна, но как подумаешь, что столько ударов зараз... право, даже удивляешься, как это вы силу имеете переносить эти испытания!

МАТЬ. Что ж, друг мой, и перенесешь, коли господу так угодно! Знаешь, в писании-то что сказано: тяготы друг другу носите - вот и выбрал меня он, батюшко, чтоб семейству своему тяготы носить...

Пауза.

Да, друг мой! Тяжеленько-таки мне на старости лет! Припасла я детям на свой пай - пора бы и отдохнуть! Шутка сказать - четыре тысячи душ! Этакой-то машиной управлять в мои лета! За всяким ведь погляди! Всякого уследи! Да походи, да побегай! Хоть бы эти бурмистры да правители наши: ты не гляди, что он тебе в глаза смотрит! Одним-то глазом на тебя, а другим - в лес норовит! Самый это народ маловерный!

ИУДА. Маменька! Оставьте эти черные мысли! Оставьте!

МАТЬ. Умирать, мой друг, всем придется! Не черные это мысли, а самые, можно сказать... божественные! Хирею я, Порфиша, ах, как хирею! Ничего-то во мне прежнего не осталось - слабость да хворость одна! Даже Аннка - поганка все заметила - в актрисы подалась! Уехала!

Ну, и ... Балбес-то ведь явился! (*Кивает наверх*).

С утра явился, и сразу батюшке с Павлом - под крыло! Водку хлещут!

ИУДА. Слышал, маменька, слышал.

МАТЬ. Пришел, словно и дело сделал, словно так и следовало: сколько бы, мол, я ни кутил, ни мутил, у старухи-матери всегда про меня кусок хлеба найдется! Сколько я в своей жизни ненависти от него видела! Сколько от него одних его буффонств да каверзов мучения вытерпела! Что я в ту пору трудов приняла, чтоб его на службу-то втереть! - и все как с гуся вода! Наконец билась-билась, думаю: господи! Да коли он сам об себе радеть не хочет, неужто я обязана из-за него, балбеса долговязого, жизнь свою убивать! Дай,

думаю, выкину ему кусок, авось, свой грош в руки попадет - постепеннее будет! И выкинула. Сама и дом-то для него высмотрела, сама собственными руками, как одну копейку, двенадцать тысячек серебром денег выложила! И что ж ! Не прошло после того и трех лет - ан он опять у меня на шее повис! Долго ли мне надругательства-то эти переносить?

ИУДА. А-а-ах! Дела! Дела!

МАТЬ. Нет, ты погоди коловой-то вертеть, ты прежде выслушай! Каково мне было узнать, что он родительское-то благословение, словно обглоданную кость, в помойную яму выбросил? Каково мне было чувствовать, что я , с позволения сказать, ночей недосыпала, куска недоедала, а он - на-тко! Словно вот взял, купил на базаре бирюльку - не занадобилась и выкинул ее за окно! Это родительское-то благословение!

ГОЛОС ОТЦА (с антресолей). Бирюльку, бирюльку-то - за окно, за окно!

ИУДА. Ах, маменька! Это такой поступок! Такой поступок!

МАТЬ. Стой! Погоди! Когда я прикажу, тогда свое мнение скажешь! И хоть бы он меня, мерзавец, предупредил! Виноват, мол, маменька, так и так - не воздержался! Я ведь и сама, кабы вовремя, сумела бы за бесценок дом приобрести! Не сумел недостойный сын пользоваться, - пусть попользуются достойные дети - ты, да Павел! Степка-то, шутя-шутя, дом-то, пятнадцать процентов в год интересу принесет! Может быть, я бы ему за это еще тысячку рублей на бедность выкинула! А то - натко! Сижу здесь, ни сном, ни делом не вижу, а он уж и распорядился! Двенадцать тысяч рублей собственными руками за дом выложила, а он его с аукциона в восьми тысячах спустил!

ИУДА. А главное, маменька, что он с родительским благословением так низко поступил!

МАТЬ. И это, мой друг, да и то. У меня, голубчик, деньги не шальные; я не танцами, да курантами приобретала их, а хребтом да потом. Я как богатства-то достигала? Как за папеньку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто одна душа, да в дальних местах, где двадцать, где тридцать - душ с полтора ста набралось! У меня самой-то - и вовсе ничего!

Нет, друг мой! Даром-то и прыщ на носу не вскочит: я после того, как дом купила, шесть недель в горячке вылежала! Вот теперь и судите: каково мне видеть, что после таких истязаний, трудовые мои денежки, ни дай ни вынеси за что, в помойную яму выброшены!

Так вот я затем тебя и призвала, суди меня с ним, со злодеем! Как ты скажешь, так и будет! Его осудишь - он будет виноват, меня осудишь - я виновата *ПАУЗА* буду. Только уж себя злодею в обиду не дам!

ИУДА. Если вы позволите мне, милый друг маменька, выразить мое мнение, то вот оно в двух словах: родители могут судить детей, дети же родителей - никогда. Вы говорите: судите меня с ним! Это великодушно, милая маменька, велли-ко-лепно! Но можем ли мы без страха подумать об этом, мы с Павлом, от первого дня рождения облагодетельствованные вами с головы до ног? Воля ваша, но это будет святотатство, а не суд! Это будет такое святотатство, такое святотатство...

МАТЬ. Стой! погоди! Коли ты говоришь, что не можешь меня судить, так оправь меня, а его осуди!

ИУДА. Нет, голубушка маменька, и этого не могу! Или, лучше сказать, не смею и не имею права. Ни оправлять, ни обвинять - вообще судить не могу. Вы - мать, вам одним известно, как с нами, вашими детьми, поступать. Заслужили мы - вы наградите нас, провинились - накажите. Наше дело - повиноваться, а не критиковать. Если б вам пришлось даже и переступить, в минуту родительского гнева, меру справедливости - и тут мы не смеем роптать, потому что пути провидения скрыты от вас. Кто знает? Может быть, это и нужно так! Так-то и здесь: брат Степан поступил низко, даже, можно сказать, черно... но определить степень возмездия, которое он заслуживает за свой поступок, можете только вы одни!

МАТЬ. Стало быть, ты отказываешься? Выпутьвайтесь мол, милая маменька, как сами знаете?

ИУДА. Ах, маменька, маменька! И не грех это вам! Ах-ах-ах! Я говорю: как вам угодно решить участь брату Степана, так пусть и будет - а вы ... ах какие вы черные мысли во мне предполагаете!

Спускается с антресолей Павел. (шатается).

МАТЬ (Павлу). Ну, а ты как? Со Степаном предполагаешь?

ПАВЕЛ. Известно, виноват... на куски рвать... в ступе истолочь...вперед...известно...

МАТЬ. Ну, голубчик, с тобой - после! Ты, я вижу, по Степкиным следам идти хочешь...

ПАВЕЛ (*еле держится на ногах*). Нет, маменька, не хочу...

МАТЬ. Смотри! Покаяшься - поздно будет!

ПАВЕЛ. Я что ж! Я ничего!... Я говорю: как хотите!

МАТЬ. После, мой друг, после с тобой поговорим. Ты думаешь, что офицер, так и управы на тебя не найдется! Найдется, голубчик, ах, как найдется! Так, значит, вы оба от судьбища отказываетесь?

ИУДА. Я, милая маменька... (*Рыдает*)

ПАВЕЛ (*рыдает*). По мне, пожалуй, хоть на куски... хоть на куски...

МАТЬ. Да замолчи ты, Христа ради... не... недо... недобрый ты сын! Что ж, пусть себе живет! Вроде как убогой. На прокормлении у крестьян!

ГОЛОС ОТЦА (*с антресолей*). А ты престрого закричи, Степа! А ты престрого закричи! Чтоб в аде не трясли мудами, Степа! Закричи, Степа! Ку-ка-ре-ку-у-у !!!

Ку-ка-ре-ку-у-у !!!

Пауза.

МАТЬ. Господи, что это с ним?

ПАВЕЛ. Брат Степан помер, мама...

Картина третья.

*Центральная зала огромного дома Головлевых.
Длиннющий стол, на столе стоит гроб со
СТЕПАНОМ над ним убивается МАТЬ,
рядом, в спальном колпаке и сорочке сидит,
пронзительно глядя перед собой ОТЕЦ, за
остальной частью стола сидят ИУДА,
ПАВЕЛ, ДОКТОР, АННЕЧКА, ее гусар
КУКИШЕВ, СВЯЩЕННИК (Воплинский),
прислуживает ЕВПРАКСИНЬЮШКА.*

МАТЬ. Мать ночей недосыпала, куска недоедала, а он, на-тко, какую моду выдумал - вешаться вздумал. Я ведь говорила - с пьяных-то глаз и в петлю угодить недолго. Взял веревку, зацепил за сук, обмотал кругом шеи, да и был таков! Другой бы не знал, чем мать отблагодарить, а он вешаться вздумал - вот так одолжил сынок любезный!

ДОКТОР. (Евпраксинье). Вот что, голубушка, принеси-ка ты нам водочки да закусь что-нибудь!

МАТЬ (оборачивается). Что? Как?

ДОКТОР. У бога милостей много без конца, Арина Петровна!

МАТЬ. Как же это так? Лечили, лечили доктора - и вдруг!

ДОКТОР. Когда это они успели?

СВЯЩЕННИК. О, господи. (крестится).

МАТЬ. Земский наш да вот городской приезжал.

ДОКТОР. Городской - не доктор, Арина Петровна.

МАТЬ. Неужто ж так-таки ничего и нельзя?

СВЯЩЕННИК. О, господи. (крестится).

ДОКТОР. Сказал: у бога милостей много, а больше ничего прибавить не могу.

МАТЬ. А может и подействует?

ДОКТОР. Что подействует?

МАТЬ. А вот, что теперь... горчичники эти...

Пауза. Все смотрят на Мать.

ДОКТОР. Может быть-с.

СВЯЩЕННИК. (к Аннечке, желая переменить тему). А много ли вы жалованья в актрисах-то получаете?

АННИНЬКА. Теперь я получаю полтора ста рублей в месяц, а сестра - сто. Да бенефисы нам даются. В год-то тысяч шесть обе получим.

СВЯЩЕННИК. *(не унимается)*. Что ж так сестрице меньше дают? Достоинством, что ли, они хуже?

АННИНЬКА. *(виновато оглядывается)*. Нет, а жанр у сестры другой. У меня голос есть, я пою - это публике больше нравится, а у сестры голос послабее - она в водевилях играет.

СВЯЩЕННИК. Стало быть, и там тоже: кто попом, кто дьяконом, а кто в дьячках служит?

ОТЕЦ. Вострепетала плешь, хрен рясу прочь отключил,
Поднявши лысый лоб,
Вскочил в восторге поп.

ДОКТОР. За ваше здоровье, маменька!
Все смотрят на доктора.

МАТЬ. На здоровье, батюшка!
Все смотрят на Мать.

ДОКТОР. *(держит рюмку, смотрит сквозь нее на гроб)*. Вот от этого самого Степан Владимирович и погиб во цвете лет - от водки этой. *(Приятно морщится и тыкает вилкой в кружок колбасы)*.

ПОП. Да, много через нее хороших людей пропадает *(Выпивает)*.

ДОКТОР. *(попу)*. Не всякий эту жидкость вместить может - оттого! А так мы вместить можем, то и повторим! *(Аннечке)* Ваше здоровье, сударыня!

ПОП *(Аннечке)*. А что я еще хотел вас спросить, Анна Семеновна, правда ли, что с актрисами обращаются, словно бы они не настоящие женщины?

АННЕЧКА. То есть как же это, не настоящие женщины?

ПОП. Ну, да вот будто целуют их обнимают что ли... Даже , будто, когда и не хочется, и тогда они должны...

АННЕЧКА *(поясняет)*. Не целуют, а делают вид, что целуют. А об том, что хочется или не хочется - об этом и речи в тих случаях быть не может, потому что все делается по пьесе: как в пьесе написано, так и поступают. *(Выпивает)*.

КУКИШЕВ *(Аннечке)*. Позвольте вам доложить, кралечка! Вы не так кушаете-с! Вы слишком уж скоро-с! Бокальчик *(показывает)* следует держать в ручках вот так-с! Потом поднести к устам и не торопясь: раз, два, три... Господи, благослови! *(Выпивает, сразу целует ее в губы, заваливает ее, покорную, куда-то за стол.)*

ПОП *(интенсивно крестится)*. Хоть и по пьесе, а все-таки... Иной со слюнявым рылом лезет, на него глядеть-то претит, а ты губы ему подставлять должна!

АННЕЧКА(*вырывается, утирается*). Вы совсем не так представляете себе, как оно на сцене происходит!

МАТЬ (*у гроба, как будто о чем-то вспоминает*). Ты куда ж это от матери ушел? Знаешь ли ты, как ты мать-то обеспокоил? Хорошо еще , что папенька ни об чем не понял, - какого бы ему было при его положении?

ОТЕЦ (*прямо перед собой*). Я в положении? Да хрен не кость, голубушка, а жила.

ДОКТОР (*попу*). Ну что, батюшка, водки откушаем?

ПОП. А не много будет?

ДОКТОР. Мне - ничего! У меня и легкие, и почки, и печенька и селезенка - все в исправности! Да, бишь вот что! (*Разворачивается к Евпраксинье*) Что у вас нынче к обеду приготовлено?

ЕВПРАКСИНЬЯ . Окрошка, да битки, да цыплята на жаркое.

ДОКТОР. А рыба соленая у вас есть ?

ЕВПРАКСИНЬЯ . Как, сударь, рыбы не быть! Осетрина есть, севрюжина... Найдется рыбы - довольно!

ДОКТОР. Так скомандуй ты нам к обеду ботвиньи с осетринкой... звеньшко, знаешь, да пожирнее! Как тебя, Евпраксиньюшкой, что ли, звать?

ЕВПРАКСИНЬЯ . Евпраксиньей, сударь, люди зовут.

ДОКТОР. Ну , так живо, Евпраксиньюшка, живо! (*Попу.*) А вы, святой отец, покойника-то отпевать сегодня будете, или как? А то Арина Петровна вон, испелась вся.

ПОП. Ага, сейчас. (*Аннечке*). Конечно, мы в театрах не бывали, а все-таки, чай, со всячинкой там бывает. Частенько-таки мы об вас, барышня, разговариваем; жалеем мы вас, даже очень жалеем.

ОТЕЦ. В раю кто хочет быть

И здесь подоле жить,

К попу тот прибегай,

Послушай и внимай

ПОП (*Аннечке.*) Владимир Михайлович озоруют! Впрочем, сударыня, и во всяком звании и приятности и неприятности бывают, но человек , по слабости своей, первыми восхищается, а последние старается позабыть. Для чего позабыть, а именно для того , сударыня, дабы и сего последнего напоминания о долге и добродетельной жизни, по возможности не иметь перед глазами.

КУКИШЕВ (*просыпается, оглядывает всех присутствующих, Анненьке.*) Знаете ли что-с? Ужо, как вечер настанет, отправимся-ка мы с господином настоятелем, или как вас там, извините-с, на мельницу-с, я там у вас по пути мельницу разузнал, возьмем с собой саквояж-с (*начинает сгребать со стола водку и закуску.*) и искупаемся в речке-с, с обоюдного промежду себя согласия-с! Только вот господина настоятеля, или, как его там (*попу.*), извините-с, всенепременно просим прямо в ряс сполоснуться-с!

АННЕНЬКА. Ну, уж этому-то никогда не бывать!

КУКИШЕВ. Отчего так-с! Сначала искупаемся, потом чуточку хлопнем-с, а потом господин (*попу.*) извините-с, нам что-нибудь из псалмов попоет-с, а уж после немного проклаже и опять искупаемся-с! Расчудесное будет дело-с!

Пауза. Все смотрят на Мать, она как бы чувствует, что слово за ней, и спешно продолжает истерику.

МАТЬ (*ласковее и ласковее*). Ах, дурачок, дурачок! Хоть бы ты подумал, какая через тебя про мать слава пойдет! Ведь завистников-то у ней - слава богу! И невесть что наплетут! Скажут, что и не кормила-то, и не одевала-то. Ах дурачок, дурачок! И чем тебе худо у матери стало? Одет ты и сыт - слава богу! И теплехонько тебе, и хорошененько... чего бы, кажется, искать! Скучно тебе, так не прогневайся, друг мой, - на то и деревня! Веселиев да балов у нас нет - и все сидим за столом, да скучаем! Вот я и рада была бы поплясать да песни попеть - ан посмотришь на улицу, и в церковь божию в этакую мокреть ехать охоты нет! Нет охоты!

ПОП (*пытается вскочить на стол, подобрал рясу*). А главное, сударыня, сокровище свое надлежит соблюсти! Сокровище!!

ОТЕЦ. Что ж, это разве не манда, а красное окошко?

Мне кажется, вы все вздурились немножко.

ДОКТОР (*хлопает в ладоши.*) Браво, Владимир Михайлович, батенько браво! (*мурлыкает в полголоса.*) Кувыркком, кувыркком, кувыркком полетим!

ПОП (*патетически.*) И вот это-то сокровище, мнится, в актерском звании соблюсти - дело довольно сумнительное! Сумнительное это дело, скажу я вам!!

КУКИШЕВ (*Анечке*). Верно настоятель говорит! У тебя прежде телеса были! Сказывай, куда ты их девала?

АННЕЧКА. Тетушка! Мы уезжаем.

КУКИШЕВ (*с трудом встает.*) Ей-ей сте, -говорю, -я пьяным не имелся! (*Его уволакивает Анечка.*) Сказывай, куда ты телеса девала? У тебя раньше телеса были!

МАТЬ (*над гробом.*) А ежели ты чем недоволен был - кушанья, может быть, недостало, или из белья там, - разве не мог ты матери откровенно объяснить? Маменька, мол, душенька, прикажите печеночки или там ватрушечки изготовить - неужто мать в куске-то отказала бы тебе? Или вот хоть хоть бы и винца - ну, захотелось тебе винца, ну и Христос с тобой! Рюмка, две рюмки - неужто матери жалко? А на-тко: у отца попросить не стыдно, а матери слово молвить тяжело!

ОТЕЦ (*медленно поднимается, склоняется над гробом.*) Несчастный здесь лежит мой сын и бедный горемыка... От лютого кой жизнь окончил...

*Старается подавить рыдания, двигается, как привидение в белой рубашке и ночном колпаке...
Подходит мимо спящего на столе Доктора к Попу, тяжело хлопает его сзади по плечу.*

Ах, батюшка ты наш, Данилыч несравненный,
Стекланный изумруд, чугуны неоцененный,
Прощай...

Подходит к Порфирию.

Анафема я будь, с Иудой часть приемлю,
Чтоб с места не сойтись, пусть провалюсь сквозь землю.

Подходит к застывшему, как сидящее изваяние Павлу.

Пойдем, Павлуша...

Оба поднимаются, медленно бредут к антресолям... Отец оборачивается у Матери.

Сударыня, меня извольте извинить,
Иуда нужду за меня всю может изъясните... *(Уходят.)*

Пауза.

ПОП *(спешно собирается)*. Ну, пора и мне... Тьфу!
И мне пора... Прости, господи! Прости нас всех, о господи! *(Уходит.)*

МАТЬ *(показывает Иуде на Степана.)* Целый день молчит!
Ведь думает же, балбес, об чем-нибудь, покуда молчит!

ДОКТОР *(быстро поднимает голову, смотрит перед собой. Быстро находит рюмку водки, выпивает.)* Все одно и то же-с. Вот как выздоровею, говорит, непременно и духовную и векселья напишу. Да, мамашечка, опростоволосились вы! Кабы месяц тому назад вы меня позвали, я бы и заволоку ему соорудил, да и насчет духовной постарался бы... *(Встает, шатаясь идет к двери.)* А то у нас все по-военному... Кувырком, знаете, кувырком... *(уходит.)*

Остаются Мать Арина Петровна, Порфирий и Степан в гробу - вроде как живой, только глаза закрыты...

Пауза. Порфирий подсаживается ближе к матери.

МАТЬ. Вчера утром постигло нас ниспосланное от господи испытание: сын мой, а твой брат, Степан скончался... Еще с вечера накануне был здоров и совершенно даже поужинал, а наутро... такова сей жизни скоротечность! И что всего для материнского сердца прискорбнее: так, без напутствия, и оставил сей суетный мир, дабы устремиться в область неизвестного.

Сие да послужит нам всем уроком: кто семейными узами не бережет - всегда должен для себя такого конца ожидать. И неудачи в сей жизни, и напрасная смерть, и вечные мучения в жизни следующей - все из сего источника происходит. Ибо как бы мы ни были высокоумны и даже знатны, но ежели родителей не почитаем,

то оные как раз и высокоумие, и знатность нашу в ничто обратят. Таковы правила, кой всякий ведущий в сем мире человек затвердить должен, а рабы, сверх того, обязаны почитать господ.

Впрочем, несмотря на сие, все почести отошедшему в вечность были отданы сполна, яко сыну. Покров из Москвы выписали, а отпевание совершал известный тебе архимандрит соборне. Сорокоусты же и поминовения и поднесь свершаться, как следует, по христианскому обычаю. Жаль сына, не роптать не смею и тебе, сын мой, не советую. Ибо кто может сие знать? - Мы здесь ропщем, а его душа в горних увеселяется!...

Картина четвертая.

Дом Головлевых некоторое время спустя. По лестнице к антресолям поднимается матушка Арина Петровна. В дверях она сталкивается с Евпраксиньей.

МАТЬ (*Евпраксинье.*) Ты бы, голубушка, вниз пошла!

ЕВПРАКСИНЬЯ (*огрызается.*) Это еще что за новости!

МАТЬ. Мне с Павлом Владимировичем поговорить нужно. Ступай!

ЕВПРАКСИНЬЯ. Помилуйте, сударыня! Как же я их оставлю? А ежели что вдруг случиться - ни подать, ни принять.

МАТЬ (*обращает внимание на пустой графин у Евпраксиньи на подносе.*) Матушки! Да, никак, он у вас пьет?

ЕВПРАКСИНЬЯ. Занимаются-с. Они все на антресоли перенести приказали, и закуску; там им свободнее заниматься будет.

МАТЬ. Господи! И в кого я таких извергов уродила! Один - кровопивец, другой - блаженный какой-то! Для кого я припасала! Ночей недосыпала, куска недоедала... для кого?

ГОЛОС ПАВЛА (*из-за дверей.*) Что там?

МАТЬ. Прикажи, мой друг, Евпраксинье уйти. Мне с тобой переговорить нужно.

Евпраксинья фыркает, уходит, Арина Петровна заходит к Павлу - он в постели.

Ну, что ? Как ты сегодня себя чувствуешь? (*Опускается в кресло у его ног.*)

ПАВЕЛ (*еле ворочает языком.*) Ничего ... завтра ... тобиш сегодня ... когда это лекарь у нас был?

МАТЬ. Сегодня был лекарь.

ПАВЕЛ. У, значит завтра...

Павел мечется в постели, как бы силясь припомнить слово.

МАТЬ (*подсказывает.*) Встать можно будет? Дай бог, мой друг, дай бог!

Пауза.

ПАВЕЛ. Иудушка ... живет?

МАТЬ. Что ему сделается! Живет да поживает.

ПАВЕЛ. Чай, думает: вот братец Павел умрет - и еще, по милости божией, именице мне достанется!

МАТЬ. И все когда-нибудь умрем, и после всех имения пойдут ... законным наследникам...

ПАВЕЛ. Только не кровопивцу. Собакам выброшу, а не ему!

МАТЬ. Надо бы подумать об этом, мой друг!

ПАВЕЛ. Об чем, “об этом”?

МАТЬ. Можно бы друг мой, и то в соображение взять, что у тебя Анненька - племянница - сирота есть, - какой у нее капитал? Ну и мать тоже...

ПАВЕЛ. Все Иудушке спустить успели?

МАТЬ. Как бы то ни было ... знаю, что сама виновата... Да ведь и не бог знает, какой грех... Думала тоже, что сын... Да и тебе бы можно не попомнить этого матери.

Молчание.

Что же . Скажи что -нибудь!

ПАВЕЛ. А вы как скоро собираетесь меня хоронить?

МАТЬ. Не хоронить, а все-таки ... И прочие христиане ... Не все сейчас умирают, а вообще...

ПАВЕЛ. То-то “вообще”! Вы всегда “вообще”! Думаете, что я не вижу!

МАТЬ. Что же ты видишь, друг мой?

ПАВЕЛ. А то и вижу, что вы меня за дурака считаете! Ну и положим, что я дурак, и пусть буду дурак! Зачем же приходите к дураку? И не приходите! И не беспокойтесь!

МАТЬ. А я и не беспокоюсь; я только вообще ... что всякому человеку предел жизни положен...

ПАВЕЛ. Ну и ждите!

Пауза.

МАТЬ. Не знаю, за что ты меня ненавидишь!

ПАВЕЛ (*прерывисто, захлебываясь.*) Нисколько... я вас... нисколько! Я даже очень... Помилуйте вы нас так вели ... всех ровно...

МАТЬ. Может, я и в самом деле чем-нибудь провинилась так уж прости, Христа ради!

Пауза.

Положим, что насчет недвижимости... Это точно, что в теперешнем твоём положении нечего и думать, чтобы распоряжения делать ... Порфирий - законный наследник, ну и пускай ему недвижимость достается... А движимость, а капитал как?

Пауза. Павел смотрит куда-то перед собой.

Ты, может быть думаешь, что я смерти твоей желаю, так разуверься, мой друг! Ты только живи, а мне, старухе, и горюшка мало! Что мне! Мне и тепленько, и сытенько у тебя, и даже ежели из сладенького чего-нибудь захочется - все у меня есть! Я только

насчет того говорю, что у христиан обычай такой есть, чтобы в ожидании пребудущей жизни...

Пауза. Она явно ищет подходящего слова.

Присных своих обеспечивать. *(Смотрит куда-то в окно.)*

Капитал-то можно бы при жизни из рук в руки передать... *(Рассматривает на свет свои руки.)*

Капитал, мой друг, и по закону к перемещению допускается. Потому это вещь наживная: вчера он был, сегодня его нет. И никто в нем отчета не может спрашивать - кому хочу, тому и отдаю.

ПАВЕЛ *(вдруг как-то зло смеется.)* Палочкина историю, должно быть, вспомнили! Тот тоже из рук в руки жене капитал отдал, а она с любовником убежала!

МАТЬ. У меня, мой друг, любовников нет!

ПАВЕЛ. Так без любовников убежите ... с капиталом!

МАТЬ. Как ты, однако, меня понимаешь!

ПАВЕЛ. Никак я вас не понимаю ... Вы на весь свет меня дураком прославили - ну и дурак я ! И пусть буду дурак! Смотрите, какие штуки - фигуры придумали - капитал им из рук в руки передай! А сам что? - в монастырь, что ли, прикажете мне спастись идти да откуда глядеть, как вы моим капиталом распорядиться будете?

Арина Петровна встает и двигается к двери.

Павел, злоствуясь и волнуясь выкрикивает ей вслед:

А мне, стало быть в монастырь?! Или на тот свет?! Или с того света мне прикажете на все это глядеть?!

Арина Петровна медленно спускается по лестнице антресолей в залу, где в дверях, умильно улыбаясь, ждет ее Порфирий: он в шинели, с картузом в руке -

О н подходит к ней, целует ей ручку, потом в губы, потом опять в ручку; потом треплет милого друга за талию, грустно покачав головою, произносит:

ИУДА. А вы все унываете! Нехорошо это, друг мой! Ах, как нехорошо! А вы бы спросили себя: что, мол, бог на это скажет? - Скажет: вот я в премудрости своей все к лучшему устрою, а она ропщет! Ах, маменька! Маменька!

Посмотрите на меня! Как брат - я скорблю! Не раз, может быть, и всплакнул... Жаль брата, очень, даже до слез жаль... Всплакнешь, да и опомнишься: а бог-то на что! Неужто бог хуже нашего знает, как и что? Поразмыслишь эдак - и ободришься. Так-то и всем поступать надо! И вам , маменька, и ... всем ! Посмотрите на меня, каким я молодцом хожу!

*Он выпрямляется, отставляет одну ногу,
выпячивает грудь и откидывает назад голову,
затем вновь целует маменьке ручку.*

Так-то, милый друг маменька! (*Усаживается на диван.*) Вот и брат Павел...

МАТЬ. Да, и Павел...

ИУДА. Да, да, да ... раненко бы! раненко! Ведь я , маменька, хоть и бодрюсь, а в душе тоже ... очень-очень об брате скорблю! Не любил меня брат, крепко не любил, - может за это бог и посылает ему!

МАТЬ. В такую минуту можно бы и забыть про это! Старые-то дразги оставить надо...

ИУДА. Я, маменька, давно позабыл! Я только к слову говорю: не любил меня брат, а за что - не знаю! Уж я ли, кажется ... и так и сяк, и прямо и стороной, и “голубчик” и “братец” - пятится от меня, да и шабаш! Ан бог-то взял да невидимо к своему пределу и приурочил!

МАТЬ. Говорю тебе: нечего поминать об этом! Человек на ладан уж дышит!

Пауза.

ИУДА. Да, маменька, великая это тайна - смерть! Не весте ни дня, ни часа - вот это какая тайна! Вот он все планы планировал, думал, уж так высоко, так высоко стоит, что и рукой до него не достанешь!

А бог-то, разом, в одно мгновение, все его мечтания опроверг. Теперь бы он, может, и рад грешки свои поприкрыть - ан они уж в книге живота записаны значатся. А из этой, маменька, книги, что там записано, не скоро выскоблишь.

МАТЬ. Чай, раскаяние-то приемлется!

ИУДА. Желаю! От души желаю! Не любил он меня, а я - желаю! Я всем добра желаю! И ненавидящим и обидящим - всем! Несправедлив он был ко мне - вот болезнь ему послал, не я, а бог! А много он, маменька, страдает?

МАТЬ. Так себе ... Ничего. Доктор был, даже надежду подал.

ИУДА. Ну вот как хорошо! Ничего, мой друг! Не огорчайтесь! Может быть, и отдышится! Мы-то здесь об нем сокрушаемся да на создателя ропщем, а он, может быть, сидит себе тихохонько на постельке да бога за исцеление благодарит! (*Умильно смотрит на мать.*)

А я ведь к вам, маменька, погостить приехал.. Нельзя, голубушка ... по-родственному! Не ровен случай - все же, как брат ... утешить, и посоветовать, и распорядиться ... вы ведь позволите?

МАТЬ. Какие я позволения могу давать! Сама здесь гостья!

ИУДА. Ну, так вот что, голубушка. Так как сегодня у нас Пятница, так уж вы прикажите, если ваша такая милость будет, мне

постненького к обеду изготовить. Рыбки там, что ли, солененькой, грибков, капустки - мне ведь немного нужно! А я между тем по-родственному на антресоли к брату полплетусь - может быть, и успею. Не для тела, так для души что-нибудь полезное сделаю. А в его положении душа-то, пожалуй поважнее. Тело-то мы, маменька, микстурами да припарочками поправить можем, а для души лекарства-то поосновательнее нужны!

Иуда, крикнув, встает с дивана, сгорбившись, ногами, будто он немощен, отправляется к антресоли...

Вот он, оставляя на стене огромную свою тень, открывает дверь, тихо заходит в комнату к которой мечется по кровати, стонет глухо, порывисто, точно лает.

Когда перед ним вырастает из тьмы ненавистная фигура Иудушки, он весь как будто топится перину...

ПАВЕЛ. Зачем? Откуда? Кто пустил?

ИУДА. Больно?

Иуда приближается к образу, встает на колени, творит три земных поклона, встает и вновь у постели Павла.

Ну, брат, вставай! Бог милости прислал! *(Плюхается в то самое кресло, в котором только что сидела мать.)*

Ах, брат, брат! - какая ты бяка сделался! А возьми да приободришься! Встань да побегии! Труском-труском - пусть-ка, мол, маменька полюбуется какими молодцами мы стали! Фу-ты! Ну-ты!

ПАВЕЛ. Иди, кровопивец, вон!

ИУДА. А-а-ах! Брат, брат! Я к тебе с лаской да с утешением, а ты ... какое ты слово сказал! А-а-ах, грех какой! И как это язык у тебя, дружок, повернулся, чтоб этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчик, даже очень стыдно! Постои-ка, я лучше подушечку тебе поправлю!

Встает, тыкает в подушку пальцем.

Вот так! Вот теперь славно! Лежи себе хорошоохонько - хоть до завтра поправляться не нужно.

ПАВЕЛ. Уйди ... ты!

ИУДА. Ах, как болезнь-то, однако, тебя испортила! Даже характер в тебе - и тот какой-то строптивый стал! Уйди, да уйди - ну как я уйду! Вот тебе испытать захочется - я водички подам; вон лампадка не в исправности - я и лампадочку поправлю, маслица деревяненького подолью. Ты полежишь, я посижу; тихо, да смирно - и не увидим, как время пройдет!

ПАВЕЛ. Уйди, кровопивец!

ИУДА. Вот ты меня бранишь, а я за тебя богу помолюсь. Я ведь знаю, что та это не от себя, а болезнь в тебе говорит. Я, брат, привык прощать - и всем прощаю. Вот и сегодня еду к тебе, встретился по дороге мужичок и что-то сказал. Ну и что ж! И Христос с ним! Он же свой язык осквернил! А я ... да не только я не рассердился, а даже перекрестил его - право!

ПАВЕЛ. Ограбил... мужика?...

ИУДА. Кто? Я-то! Нет, милый друг, я не граблю; это разбойники по большим дорогам грабят, а я по закону действую. Лошадь его в своем лугу поймал - ну и ступай, голубчик, к мировому! Коли скажет мировой, что травить чужие луга дозволяется, - и бог с ним! А скажет, что травить не дозволяется, - нечего делать! Штраф пожалуйста! По закону я, голубчик, по закону!

ПАВЕЛ. Иуда! Предатель! Мать по миру пустил!

ИУДА. И опять-таки скажу: хочешь сердись, хочешь не сердись, а не дело ты говоришь! И если б я не был христианин, я бы тоже... попретендовать за это на тебя мог!

ПАВЕЛ. Пустил, пустил, пустил ... мать по миру!

ИУДА. Ну, перестань же, перестань! Вот я богу помолюсь: может быть, ты и попокойнее будешь...

Иуда вновь плюхается к образам и творит молитву, после чего подходит к постели Павла с успокоенным, почти ясным лицом.

А ведь я, брат, об деле с тобой поговорить приехал. (*Вновь усаживается в кресло.*) Ты меня вот бранишь, а я об душе твоей думаю. Скажи, пожалуйста, когда ты в последний раз утешение принял?

ПАВЕЛ. Господи! Да что ж это ... уведите его! Евпраксинья! Улитка! Агашка! Кто тут есть?

ИУДА. Ну, ну, ну! Успокойся, голубчик! Знаю, что ты об этом говорить не любишь! Да, брат, всегда ты дурным христианином был и теперь таким же остаешься. А не худо бы, ах, как бы не худо в такую минуту об душе-то подумать! Ведь душа-то наша ... ах, как с ней осторожно обращаться нужно, мой друг! Церковь-то что нам предписывает? Приносите, говорит, моления, благодарения... а еще : христианская кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны - вот что , мой друг! Послать бы теперь за батюшкой, да искренно, с раскаянием... Ну-ну! Не буду! не буду! не буду! А право бы, так...

Павел лежит в постели весь багровый, чуть не задыхается.

Вот и насчет имения - может быть, ты уж и распорядился? Хорошенькое, очень хорошенькое именице у тебя - нечего сказать. Земля даже лучше, чем где либо вокруг; с песочком суглиночек-то! Ну, и капитал у тебя ... я ведь, брат, ничего не знаю. Знаю, только,

что ты крестьян на выкуп отдал, а что и как - никогда я этом не интересовался. Вот и сегодня; еду к тебе и говорю про себя: должно быть, у брата Павла капитал есть! А впрочем, думаю, если и есть у него капитал, так уж наверное, он насчет его распоряжение сделал!

Павел отворачивается и тяжело вздыхает.

Не сделал? Ну и тем лучше, мой друг! По закону - оно даже справедливее. Ведь не чужим, а своим же присным достанется. Я вот на что уж хил - одной ногой в могилке стою! А все таки думаю: зачем же мне распоряжение делать, коль скоро закон за меня распорядиться может. И ведь как хорошо, голубчик! Ни свары, ни зависти, ни кляуз... закон!

ПАВЕЛ. Уйди ... ради Христа... уйди!

ИУДА. Ну-ну-ну! Успокойся! Уйду! Знаю, что ты меня не любишь ... стыдно, мой друг, очень стыдно родного брата не любить! Вот я так тебя люблю! И детям всегда говорю: хоть брат Павел и виноват передо мной, а я его все-таки люблю! Так ты, значит, не делал распоряжений - и прекрасно, мой друг! Бывает, впрочем, иногда, что и при жизни капитал растащат, особенно, кто без родных, один ... ну да я уж присмотрю... А? Что? Надоел я тебе? Ну, ну, так и быть, уйду! Дай только богу помолюсь!

Встает, складывает ладони, наскоро шепчет:

Прощай, друг! Не беспокойся! Почивай себе хорошенько - может и даст бог! А мы с маменькой потолкуем да поговорим - может быть, что и придумаем! Я, брат, постненького себе к обеду изготовить просил... рыбки солененькой, да грибков да капустки - так ты уж меня извини! Что? Или опять надоел? Ах брат, брат! ...ну-ну, уйду,уйду! Главное, мой друг, не тревожься, не волнуй себя - спи себе да почивай!

Павел задыхается... он хрипит, стараясь из последних сил схватить губами воздух... Порфирий передразнивает его:

Хрр... хрр...

ПАВЕЛ. Кро...кро ...кро... во ...пи ...вец...

Он так и остается в этой безумной позе: с вытаращенными глазами и сложенными в трубочку губами, как будто собирается силами еще раз сказать свое последнее слово: "кровопивец"... Порфирий пятится к двери, медленно озираясь по сторонам, он тут же спускается вниз к маменьке, Увидев ее, ищет глазами образа, плюхается к ним и многократно крестится, творя молитву. Потом подсакивает к матери, целует ей ручку.

МАТЬ (недоверчиво).Ну? Как он?

ИУДА. Плох! Ах, как плох!

МАТЬ. Неужто уж так?

ИУДА. Очень-очень дурен, голубушка... а помните, каким он прежде молодцом был!

МАТЬ. Ну, когда же молодцом... что-то я этого не помню!

ИУДА. Ах, нет, маменька, не говорите! Всегда он ... я как сейчас помню, как он из корпуса вышел: стройный такой, широкоплечий, кровь с молоком... Да, да! Так-то, мой друг маменька! Все мы под богом ходим! Сегодня и здоровы, и сильны, и пожить бы, и пожуировать бы, и сладенького скушать, а завтра...

А завтра, где ты, человек? ...

МАТЬ. Поговорил ли он, по крайней мере?

ИУДА. Мало, голубушка; только и молвил: прощай брат! А ведь он маменька, чувствовал! Чувствовал, что ему плохо приходится!

МАТЬ. Будешь, батюшка, чувствовать, как грудь- то ходуном ходит!

ИУДА. Нет, маменька. Хотел он что-то сказать, да я остановил. Нет, говорю, нечего об распоряжениях разговаривать! Что ты мне, брат, по милости своей, оставишь, я всем буду доволен, а ежели и ничего не оставишь - и даром за упокой помяну! А как ему, маменька, пожить-то хотелось! Так хотелось! Так хотелось!

МАТЬ (*тихо*). Прокляну...

ИУДА. Что вы говорите, ой друг?

МАТЬ. Я говорю: всякому пожить хочется.

ИУДА. Нет, маменька, вот я об себе скажу. Ежели господу богу угодно призвать меня к себе - хоть сейчас готов!

МАТЬ. Хорошо, как к богу, а ежели к сатане угодишь? (*Направляется к лестнице, поднимается по ней.*) А? Ты об этом не думал? Ежели не к богу, а к сатане?

ИУДА (*холодно*.) Да не мучьте себя, милый друг маменька. Помер он ... Помер с покаянием.

Картина пятая.

*Дом Головлевых - все тот же длинный стол,
точно такой ж гроб, на том же самом месте,
только народу поубавилось: все тот же Воплинский
батюшка, мать, Арина Петровна, только не у гроба,
как было со Степаном, рядом с ней отец,
Владимир Михайлович, совершенно седой, бледный, в
белой ночной рубашке и белом колпаке, что создает на
общем черном фоне всего вокруг ощущение какого-
то белого пятна; и брат Порфирий, сидящий прямо
у гроба и умильно глядящий в лицо
мертвому брату Павлу; прислуга у дверей. В
комнатах пахнет ладаном.
Прямо перед Иудой стоит мужик Илья, держит в
руках деньги.*

ИЛЬЯ. Должок за мной покойному Павлу Владимировичу был. Записок промеж нас не было - так вот!

ИУДА (*умильно глядя на брата*). Ну так ты сам и отдай.

ИЛЬЯ. Покойнику, что ли?

ИУДА. А кому же? Нам чужого не надо. Отдай ему, дружок, и будешь видеть, и все будут видеть, а душа покойного радоваться будет. Может, он что-нибудь и вымолит ТАМ для тебя! Ты и не ждешь - ан вдруг тебе бог счастья пошлет!

Илья, помявшись, собирается положить деньги в гроб, Иуда, не глядя на него, не меняя позы, забирает деньги себе в карман.

Ладно, я потом. Приличия надобно соблюдать! Приличия!

Илья уходит. Иуда кричит на прислугу:

Кутью-то! кутью-то не позабудьте взять! Да в столовой на чистенькую скатерцу поставьте ... чай , кто придет, и в доме помянуть придется!

(*Павлу, приблизясь к его лицу, поет.*) Новоприставленному! Вечная память! Ах, брат, брат, оставил ты нас! А кому бы, кажется, и

пожить, как ни тебе. Дурной ты, брат! Нехороший! *(Крестится, выпивает, опять крестится, закусывает.)*

Кушайте, батюшка! Все это запасы покойного братца! Любил покойник покушать! И сам хорошо кушал, а еще больше других любил угостить! Ах брат, брат! оставил ты нас! Нехороший бы, брат, недобрый! *(Нанизывает на вилку горсть рыжиков, в это время напарывается взглядом на мать с отцом.)*

Маменька! Папенька!, голубчик! А я-то, простофиля, уписываю - ах, грех какой! Маменька! закусочки! папенька! рыжичков! Головлевские ведь рыжички, знаменитые! Господи, а куда же это я сел-то, на хозяйское-то место, маменька, милый друг, - садитесь у гроба.

МАТЬ. Нет, ты здесь хозяин - ты и садись, куда тебе хочется!

ИУДА. Вы хозяйка! Вы, да папенька! везде хозяева! Везде!

МАТЬ *(сухо.)* Нет уж! Садись, где сидишь! Где мне хозяйкой бог приведет быть, там я сама и сяду, где вздумается! А здесь ты хозяин - ты и садись!

ИУДА. Так мы вот что сделаем! Мы хозяйский-то прибор незанятым оставим! Как будто брат здесь с нами сотрапезует ... *(Умильно смотрит на Павла.)* Он хозяин, а мы гостями будем! *(Поднимает рюмку.)* Прощай, брат! *(Выпивает, наскоро закусив, обращается к попу.)*

Вот многие нынче в бессмертие души не верят ... а я верю!

ПОП. Уж это разве отчаянные какие-нибудь!...

ИУДА. Нет, и не отчаянные, а наука такая есть. Будто бы человек сам собою... Живет это, и вдруг - умер!

ПОП *(выпивает, закусывает)*. Очень уж много этих наук нынче развелось - поубавить бы! Наукам верят, а в бога не верят. Даже мужики - и те в ученые норовят.

ИУДА. Да, батюшка, правда ваша. Хотят, хотят в ученые попасть. У меня вот нагловские: есть нечего, а намеднись приговор написали, училище открывать хотят ... ученые!

ПОП *(жрет)*. Против всего нынче науки пошли. Против дождя - наука, против ведра - наука. Прежде бывало попросту: придут молебен отслужат - и даст бог. Ведро нужно - ведро господь пошлет; дождя нужно - и дождя у бога не занимать стать. Всего у бога довольно. А с тех пор как по науке начали жить - словно вот отрезало: все пошло безо времени. Сеять нужно - засуха, кость нужно - дождик!

ИУДА. Правда ваша, батюшка, святая ваша правда. Прежде-то, как богу-то чаще молились, и земля лучше родила. Уроны-то были не нынешние, сам-четверт да сам-пят, сторицею давала земля. Вот маменька, чай, помнит? Помните, маменька?

Пауза. Арина Петровна, готовая весь вечер хранить молчание, с неохотой вовлекается в разговор, виновато глядя на Отца.

МАТЬ. Не слыхала, чтоб в нашей стороне... Ты, может, об ханаанской земле читал - там, сказывают, действительно это бывало.

ИУДА. Да, да, да, - в бога не верят, бессмертия души не признают ... а жрать хотят!

ПОП (*жрет и вторит*). Именно, только бы жрать бы да пить бы! (*засучает рукава рясы, дабы положить кусок поминального пирога.*)

Пауза. Иуда почтительно ждет, пока отец благочинный сожрет пирог.

ИУДА. А вот католики, так те хотя бессмертия души и не отвергают, но, взамен того говорят, будто бы душа не прямо в ад или в рай попадает, а некоторое время ... (*оглядывается на Павла.*) А на некоторое время ... в среднее какое-то место поступает.

ПОП. И это опять неосновательно.

ИУДА. Как бы вам сказать, батюшка... коли начать говорить с точки зрения ...

ПОП. Нечего об пустяках говорить. Святая церковь как поет? Поет: в месте злачнем, в месте прохладнем, иде же несть ни печали, ни въздыхания... Об каком же тут “среднем” месте еще разговаривать!

Арину Петровну явно начинает коробить от этих разговоров, и она вступает именно тогда, когда собирается что-то возразить отцу благочинному.

Иуда МАТЬ. Ну уж, ешь, ешь ... богослов! и суп. чай, давно простыл! (*попу, желая переменить тему.*) С рожью-то, батюшка, убрались?

ПОП. Убрался, сударыня; нынче рожь хороша, а вот яровые - не обещают! Овсы зерна не успели порядком налить, а уж мешаться начали. Ни зерна, ни соломы ожидать нельзя.

МАТЬ (*вздыхает*). Везде нынче на овсы жалуются!

Евпраксинья с Улитой подают другое кушанье: ветчину с горошком. Иудушка пользуется этим случаем, чтоб возобновить прерванный разговор.

ИУДА. Вот жида этого кушанья не едят.

ПОП. Жида - пакостники. Их за это свиным ухом дразнят.

ИУДА. Однако ж, вот и татары ... Какая-нибудь причина этому да есть...

ПОП. И татары тоже пакостники - вот и причина.

ИУДА. Мы конины не едим, а татары - свиной брезгуют. Вот в Париже, сказывают, крыс во время осады ели.

ПОП. Ну, те - французы!

Подают карасей в сметане.

ИУДА. Кушайте, батюшка! Это караси особенные: покойный братец их очень любил!

Подают спаржу - Иудушка говорит:

Вот это так спаржа! В Петербурге за этакую спаржу рублик серебрецом платить надо. Покойный братец сам за нею ухаживал! Вон она, бог с ней, толстая какая!

Отец дьякон наливает рюмку, кряхтя поднимается

и затягивает “о блаженном усвоении”, как вдруг в коридоре возникает возня, слышатся крики, которые совсем уничтожают эффект зауспокойного возгласа. Поп с недовольным видом садится обратно на стул и безо всякой видимой охоты выпивает.

ИУДА. Что там за шум! В кабак, что ли, забрались?

МАТЬ. Не кричи, сделй милость! Это я ... это мои сундуки перетаскивают. Будешь, что ли осматривать?

Иуда спешно возвращается к с достоинством жрущему отцу благочинному.

ИУДА. Вот тетерев, например ... В России их множество, а в других странах...

МАТЬ. Да ешь, Христа ради: нам веди двадцать пять верст ехать; надо засветло поспевать, поторопи там, голубчик, чтоб пирожное подавали!

Несколько минут длится молчание. Иудушка живо доел свой кусок тетерки и сидит бледный, постукивая ногой в пол и вздрагивает губами.

ИУДА. Обижаете вы меня, добрый друг маменька! Крепко вы меня обижаете!

МАТЬ. Кто тебя обидит! И чем это я так ... крепко тебя обидела?

ИУДА. Очень-очень обидно ... так обидно! так обидно! В такую минуту ... уезжать! Все жили, да жили ... и вдруг... И наконец эти сундуки ... осмотр... Обидно!

МАТЬ. Уж коли ты хочешь знать, так я могу и ответ дать. Жила я тут, покуда сын Павел был жив; умер он - и я уезжаю. А что касается до сундуков, так Улитка давно за мной по твоему приказанию следит. А по мне, лучше прямо сказать матери, что она в подозрении состоит, нежели, как змея, из-за чужой спины на нее шипеть.

ИУДА. Маменька! Друг мой! да вы ... да я...

МАТЬ. Будет! Я высказалась.

ИУДА. Но чем же , друг мой, я мог ...

МАТЬ. Говорю тебе: я высказалась - и оставь. Отпусти меня, ради Христа, с миром. Тарантас, чу, готов.

На дворе слышны бубенчики и стук подъезжающего экипажа.

ИУДА. А не то пожили бы, маменька, здесь, у нас... посмотрите-ка, как здесь хорошо!

МАТЬ. Нет, мой друг, будет! Не хочу я тебе, на прощание, неприятного слова сказать... а нельзя мне здесь оставаться! Не у чего! Батюшка! Помолитесь!

Батюшка наливает рюмку, чинно встает, раскрывает

рот, но Иуда, как бы о чем-то вспомнив, спешно его

перебивает.

ИУДА. Так увидимся, добрый друг маменька!

МАТЬ. Коли бог велит ... отчего же и не увидеться!

ИУДА. Ах, маменька, маменька! Проказница вы - право! Велите-ка тарантас-то отложить, да с богом на старое гнездышко ... Право!

Арина Петровна молча встает, идет к выходу...

Голос Порфирия настаивает ее у самых дверей.

Так тарантас-то, маменька, как же? Вы сами доставите, или прислать за ним прикажете?

МАТЬ (*кричит болезненным каким-то криком*). Тарантас - мой! Мой! Мой! Мой тарантас! Я его ... у меня доказательства ... свидетели есть! А ты ... а тебя ... ну, да уж подожду... посмотрю, что дальше от тебя будет!

ИУДА. Помилуйте, маменька, я ведь не в претензии... даже если бы тарантас был ...

МАТЬ (*выбегает из дома, слышен ее голос, Иуда за ней*). Мой тарантас, мой! Не смей говорить ... слышишь?

ГОЛОС ИУДЫ. Слушаю, маменька... Так вы, голубушка, не забывайте нас ... попросту, знаете, без затей! Мы к вам, вы к нам ... по-родственному!

ГОЛОС МАТЕРИ. Все, что ли? Трогай!

ГОЛОС ИУДЫ. По родственному! Мы к вам, вы к нам ... по-родственному!

Паза. Отец Владимир Михайлович первый раз за вечер перестает смотреть перед собой и делает какое-

то движение. Он встает, подходит ко гробу с Павлом,

стягивает свой ослепительно белый ночной колпак.

ОТЕЦ. Благодарю моих богов ... Благодарю моих богов ... что не допустил меня, наряду с холопами.... Пристать перед лицом твоим!

*Он словно привидение, движется к отцу
 благочинному, тот, кажется, едва не умирает от
 страха, а когда Отец кладет ему сзади руку
 тот просто прекращает дышать*

на плечо,

Отпевай, сволочь.

Отец поднимается медленно, с трудом по

лестнице

*вверх к антресолям, а потом, кажется, куда-то
 выше...*

Отец благочинный встает, и , воздав руки к

потолку,

*обливаясь слезами, несколько раз сбиваясь, вновь
 затягивает “о блаженном упоении”...*

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Ноябрь на исходе, земля на неоглядное пространство покрыта белым саваном. На дворе ночь и метелица; село, церковь, ближний лес - все исчезло в белой мгле, крутящейся в воздухе; старинный головлевский сад могуче гудит. Но в барском доме светло, уютно, тепло. В столовой стоит самовар, вокруг которого собрались: Арина Петровна, Порфирий Владимирович и Евпраксиньюшка. В сторонке поставлен ламберный стол, на котором брошены истрепанные карты. Из столовой открытые двери ведут, с одной стороны, в образную, всю залитую огнем зажженных лампад; с другой - кабинет барина, в котором тоже теплится лампадка перед образом. Евпраксенья, усевшись против самовара, перемывает чашки и вытирает их полотенцем. Сидящие беседуют.

МАТЬ (Евпраксенья). А ну-ко, сколько ты раз сегодня дурой осталась?

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Не осталась бы, кабы сама не поддавалась. Вам же удовольствие сделать хочу.

МАТЬ. Сказывай. Видела я, какое ты удовольствие чувствовала, как я давеча под тебя тройками да пятерками подваливала. Я ведь не Порфирий Владимирович: тот тебя балует, всё с одной да с одной ходит, а мне, матушка, не из чего.

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Да еще бы вы плутовали!

МАТЬ. Вот уж этого греха за мной не водится!

ЕВПРАКСЕНЬЯ. А кого я давеча поймала? Кто семерку трэф с восьмеркой за пару спустить хотел? Уж это я сама видела, сама уличила!

Евпраксенья встает, чтоб снять с самовара чайник

и поворачивается к Арине Петровне спиной.

МАТЬ. Эх у тебя спина какая... Бог с ней!

ИУДА (машинально отзывается). Да, у нее спина ...

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Spина да спина ... бесстыдники! и что моя спина вам сделала! (Смотрит направо и налево, улыбается.)

МАТЬ. Метель-то, видно, взаправду взялась, визжит да повизгивает!

ИУДА. Ну и пушай повизгивает. Она повизгивает, а мы здесь чаек попиваем - так-то, друг мой маменька!

МАТЬ. Ах, нехорошо теперь в поле, коли кого этакая милость божья застанет!

ИУДА. Кому нехорошо, а нам горюшка мало. Кому темненько да холодненько, а нам светлехонько, и теплехонько. Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимонцем. А захотим с ромцом будем пить.

МАТЬ. Да, коли ежели теперича ...

ИУДА. Позвольте, маменька. Я говорю: теперича в поле очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки - все замело. Ни дороги, ни тропочки! Опять же волки. У нас здесь и светленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидим здесь да посиживаем, ладком да мирком. В карточки захотелось поиграть - в карточки поиграем; чайку захотелось попить - чайку попьем. Сверх нужды пить не станем, а сколько нужно, столько и выпьем. А отчего это так? От того милый друг маменька, что милость божья не оставляет нас. Кабы не он, царь небесный, может, и мы бы теперь в поле плутали, и было бы нам и темненько, и холодненько... В зипунишечке каком-нибудь, кушачок плохонький, лаптишечки...

МАТЬ. Чтой-то уж и лаптишечки! Чай, тоже в дворянском звании родились? какие ни есть, а все-таки сапожнишки носим!

ИУДА. А знаете ли вы, маменька, отчего мы в дворянском звании родились? А все от того, что милость божья к нам была. Кабы не она, и мы сидели бы теперь в избушечке, да горела бы у нас не свечка, а лучинушка, а уж насчет чайку да кофейку - об этом и думать бы не смели! Сидели бы; я бы лаптишечки ковырял, вы бы щец там каких-нибудь пустеньких поужинать собирали, Евпракеснюшка бы красно ткала. А может быть, на беду, десятский с подводой бы выгнал...

МАТЬ. Ну, и десятский в этакую пору с подводой не нарядит!

ИУДА. как знать, милый друг маменька! А вдруг полки идут! Может быть война или возмущение - чтоб были полки в срок на местах! Вон, намеднись, становой сказывал мне, Наполеон III помер, - наверное, теперь французы куролесить начнут! Натурально, наши сейчас вперед - ну, и давай, мужичок, подводку! Да в стыть, да в метель, да в бездорожицу - ни на что не посмотрят: поезжай, мужичок, коли начальство велит! А нас с вами покамест еще поберегут, с подводой не выгонят!

МАТЬ. Это что и говорить! Велика для нас милость божья!

ИУДА. А я что же говорю? Бог, маменька - все. Он нам и дрова для тепла, и провизии для пропитания - все он. Мы-то думаем, что все сами, на свои деньги приобретаем, а как посмотрим, да поглядим, да сообразим - ан все бог. И коли он не захочет, ничего у нас не будет. Я вот теперь хотел бы апельсинчиков, и сам бы поел,

и милого дружка маменьку угостил бы, и всем по апельсинчику дал, и денежки у меня есть, чтоб апельсинчиков купить, взял бы вынул - давай! Ан бог говорит: тпру! Вот я и сижу: филозов без огурцов.

Все смеются.

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Рассказывайте! вот у меня дяденька пономарем у Успенья в Песочном был; уж как, кажется, был к богу усерден - мог бы бог что-нибудь для него сделать! - а как застигла его в поле метелица - все равно замерз.

ИУДА. Я про тоже говорю. Коли захочет бог - замерзнет человек, не захочет - жив останется. Опять и про молитву надо сказать: есть молитва угодная и есть молитва негодная. Угодная достигает, а негодная - все равно, что она есть, что ее нет. Может, дяденькина-то молитва негодная была - вот она и не достигла.

МАТЬ. Помнится, я в двадцать четвертом году в Москву ездила - еще в ту пору я Павлом была тяжела, - так ехала я в декабре месяце в Москву...

ИУДА. Позвольте, маменька. Вот я об молитве кончу. Человек обо всем молится, потому что ему всего нужно. И маслица нужно, и капустки нужно, и огурчиков - ну, словом всего. Иногда даже чего и не нужно, а он все, по слабости человеческой, просит. Ан богу-то сверху виднее. Ты у него маслица просишь, а он тебе капустки либо лучку даст; ты об ведрышке да об тепленькой погодке хлопочешь, а он тебе дождичка да с градцем пошлет. И должен ты это понимать и не роптать. Вот мы в прошлом сентябре все морозцев у бога просили, чтоб озими у нас не подопрели, ан бог морозцу не дал - ну, и сопрели наши озимы.

МАТЬ. Еще как сопрели-то! В Новинках у мужиков все озимое поле хоть брось. Придется весной перепахивать да яровыми засеивать.

ИУДА. То-то вот и есть. Мы здесь мудрствуем да лукавим, и так прикинем, и этак примерим, а бог разом, в один момент, все наши планы-соображения в прах обратит. Вы, маменька, что-то хотели рассказать, что с вами в двадцать четвертом году было?

МАТЬ. Что такое! ништо уж я позабыла! Должно быть, все об ней же, об милости божьей. Не помню, мой друг, не помню.

ИУДА. Ну, бог даст, в другое время вспомните. А покуда там на дворе кутит да мутит, вы бы, милый друг, вареньица покушали. Это вишенки, головлевские! Евпраксеюшка сама варила...

Внезапно Евпраксею начинаем мутить, и Арина Петровна, имеющая на этот счет взгляд острый и безошибочный, так что для нее достаточно было остановить глаза на туловище Евпраксеюшки, чтобы последняя, без слов и в полном сознании виновности, отвернула от нее свое загоревшееся полымем лицо.

МАТЬ. Ну-тка, ну-тка, сударка! Смотри на меня! тяжела?

Евпраксея алеет щеками.

То-то! Еще вчера и смотрю - поджимаешься ты! Ходит, хвостом вертит - словно путевая! Да ведь, брат, хвостами-то не обманешь! Я на пять верст вперед ваши девичьи штуки вижу! Ветром, что ли, надуло? с которых пор? Признавайся! Сказывай! Не скажешь? сама догадаюсь! Ну, сударка, теперь только распоясывайся! Любо было кататься попробуй-ка саночки повозить! попробуй! Я вот трех сынов да дочку вырастила, да пятерых детей маленькими схоронила - я знаю! Вот они где у нас, мужиченки-то, сидят! (*Ударяет себя кулаком по затылку.*) Покойник Владимир Михайлович тоже, прости господи, был не подарок!

(*Что-то считает.*) Батюшка! да никак, еще под постный день! Постой, погоди! Сосчитаю!

Обращает изумленный взор на незнающего куда себя девать Иудушку.

Ну, так, так! это - святой-то человек! Молитвенник ты наш! в какую рюху попал! Смиреник ты наш! смотри, какую штуку удрал! Уж, и взаправду, не ветром ли крале-то твоей надуло? Ну, брат, удивил!

ИУДА (*брезгливо пожимается*). Проказница вы, маменька! право, проказница!

МАТЬ. Чего “проказница”! серьезно об этом переговорить надо! Ведь это- какое дело-то! “Тайна” тут - вот я тебе что скажу! Хоть и не настоящим манером, а все-таки ... Нет, надо очень, да и как еще очень об этом деле поразмыслить! Ты как думаешь: здесь, что ли, ей рожать велишь или в город повезешь?

ИУДА (*веселеет*). Не знаю я, маменька, ничего я, душенька не знаю! Проказница вы! право, проказница!

МАТЬ. Ну, так постой же, сударка! Ужо мы с тобой на прохладе об этом потолкуем! И как, и что - все подробно определим! А то ведь эти мужчинки - им бы только прихоть свою исполнить, а потом отдувайся наша сестра за них, как знает! Ведь это, сударка, как бы ты думала? - ведь это ... божественное! Потому что хоть и не тем порядком, а все-таки настоящим манером! ... Только ты у меня смотри! Ежели да под постный день - боже тебя сохрани! Засмею тебя! и со света сгоню!

Господи, да я сама-то сколько мучений через это приняла.. Сколько я со Степкой-балбесом мучилась, а как, будучи беременна Павлом Владимировичем ездила на перекладной в Москву, чтоб дубровинского аукциона не упустить, так ведь потом из-за этого на тот свет чуть-чуть не отправилась! А ведь одни только достались легко, вон, молитвенника нашего!

ИУДА (*только и молвит*). Проказница вы, ма ...

МАТЬ. Да помолчи ты! (*Евпраксея*). Просто даже вот ни на столько тягости не чувствовала! сiju, бывало, и думаю: господи! да

неужто я тяжела! И как настало время, прилегла этак на минуточку на кровать, и уж сама не знаю как - вдруг разрешилась! Самый это легкий для меня сын был! Самый-самый легкий!

ИУДА. Это, милый друг маменька, все от того, что ...

МАТЬ. Да обожди ты! (*Евпраксея*.) А с дворовыми девками сколько я намаялась! Иная до последней минуты перемогается, лебезит - все надеется обмануть! Ну да меня, голубушка, не перехитришь! Я сама на этих делах зубы съела! У папеньки Владимира Михайловича тоже “сударка” была, и как бы ты думала? почти у него на глазах мы всю эту механику выполнили! Спит, голубчик, у себя в спальне, а мы рядышком орудуем! Да шепотком, да на цыпочках! Сама я, собственными руками, и рот-то ей зажимал, чтоб не кричала, и белье-то собственными руками убирала, а сынок-то ее - прехорошенький, здоровенький такой родился - и того, села на извозчика, да и в воспитательный спровадила!

ИУДА. Это, друг мой маменька, в какой-такой...

МАТЬ. Ступай-ка, ступай, молодец! Ты свое дело сделал, теперь наше, женское дело наступило! На нашей улице праздник! Идем, сударка, идем, делами займемся!

Арина Петровна выпроваживает Евпраксею вперед

себя, и некоторое время в коридорах слышатся ее веселые возгласы, потом, как будто все сринуется. Иудушка сидит, глядя прямо перед собой, постепенно втягивая голову в плечи. Через минуту в доме начинаются крики. В комнату врывается, держась двумя руками за живот Евпраксенья.

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Барин ... Барин!!! Вставайте, барин! Матушка Арина Петровна ...

Но Иудушка не шевелится, не оборачивается ... Он так и продолжает молча сидеть, глядя перед собой своими ничего не выражающими глазами. Вдруг он как-то подпрыгивает на месте, в тот самый момент, когда Евпраксенья во всю ширь своей спины вываливается из двери.

ИУДА. Евпраксея, Евпраксея!!

ЕВПРАКСЕЯ (*вваливается обратно*). А ? Что ?

ИУДА. А что ... Что она там кричала ? Она как будто что-то крикнула?

ЕВПРАКСЕНЬЯ. А ? Да ... Она крикнула ...

ИУДА. Нет, молчи ... Я слышал. Уходи.

Картина вторая.

Гостиная дома Головлевых, вновь траур. На том же

месте где стояли гробы сначала Степана, а потом и Павла, стоит теперь гроб матери их, Арины, Петровны Головлевой. Рядом с гробом убивается ее сын Порфирий.

ИУДА. Маменька! друг мой! благословите!

Но Арина Петровна не слышит. Она величественно лежит в гробу, с той же внушительностью она пребывает не жива, как бывало когда-то при жизни. Иудушка с истерических каких-то воплей перескакивает на странные монологи: он один.

И что бы вам стоило крошечку погодить ... устроили бы все как следует, умнехонько да смирнехонько - и Христос бы с вами! Пришло время умирать - делать нечего! да коли так богу угодно, и слезы наши, и доктора, и лекарства наши, и мы все - все против воли божией бессильно! И сами, маменька, пожили, и детей господами оставили! Пожили, и будет!

ПОП. Истину, истину говорите, Порфирий Владимирович!

Иудушку аж подбрасывает на месте: в дверях с кадиллом стоит отец благочинный. Он как-то бочком, постоянно оглядываясь в сторону антресолей, пробирается ко гробу, как будто сейчас от туда спустится отец семейства Владимир Михайлович Головлев...

(Подходит к Иудушке). Вот и скончалась ...Богатейшая некогда помещица нашего уезда! Н-да, воистину...

Где стол был явств - там гроб стоит...

(Помолчав, добавляет, вероятно, поняв, что глаголит не совсем православный текст.)

И бледна смерть на них глядит.

ИУДА. Так, все так, батюшка! (Уливается слезами.) И ведь скончалась-то именно только праведники такой кончины достаиваются! без болезни, без смуты ... так! Вздохнула - смотрим,

а ее уже нет! Ах , маменька, маменька. И улыбочка на лице, и румянчик ... И ручка сложена, как будто благословить хочет, и глазки закрыла ...адъё!

ПОП. Умная была женщина ... и сильно врущая, прими господь ее душу с миром. В рай ей надо, в рай.

ИУДА. Я так рассуждаю, что ум дан человеку не для того, чтоб испытывать неизвестное, а для того, чтоб воздерживаться от грехов. Вот ежели я, например, чувствую плотскую немощь, или смущение и призываю на помощь: укажи мол, пути, как мне ту немощь побороть - вот тогда я поступаю правильно! Потому что в этих случаях ум действительно пользу оказать может.

Закусывайте, закусывайте, батюшка, чем бог послал!

ПОП (*закусывает*). А больше все-таки вера.

ИУДА. Вера - сама по себе, а ум - сам по себе. Вера на цель указывает, а ум - пути изыскивает. Туда толкнется, там постучится ... блуждает, а между тем полезное что-нибудь отыщет. Вот лекарства разные, травы целебные, пластыри, декоты - все это ум изобретает и открывает. Но надобно, чтоб все было согласно с верою - на пользу, а не на вред!

ПОП (*выпивает, закусывает, постоянно оглядываясь на антресоли*). И против этого возразить ничего не могу!

Иудушка совершенно забывает о трауре, до того он увлечен очередными дебатами с отцом благочинным.

ИУДА. Я, батя, книжку одну читал, так там именно сказано: услугами ума, ежели он верою направляется, отнюдь не следует пренебрегать, ибо человек без ума в скором времени делается интралищем страстей.

(*Встает, принимает торжественный вид*).

Я даже так думаю, что и первое грехопадение человеческое от того произошло, что дьявол, в образе змия, расхождение человеческое затмил!!

ПОП (*выпивает, закусывает*). И это рассуждение у меня сумнений не вызывает ...

ИУДА (*перебивает, входит в экстаз*). Часто мы видим, что люди не только впадают в грех мысленный, но и преступления совершают - и все через недостаток ума. Плоть искушает, а ума нет - вот и летит человек в пропасть. И сладенького-то хочется, и веселенького, и приятненького, а в особенности ежели женский пол...

Пауза.

Как тут без ума уберечься! А коли ежели у меня есть ум, я взял канфарки или маслица; там потер, в другом месте подсыпал - смотришь, искушение-то с меня как рукой сняло!

*Батюшка явно недоумевают, к чему клонится
Иудушкина речь, и потому только крикает и
говорит без всякого резона.*

ПОП. Вот у меня на дворе куры... Суется, по случаю солнцворота; бегают, мечутся, места нигде сыскать не могут...

ИУДА (*вновь вскакивает и декламирует*). И все оттого, что ни у птиц, ни у зверей, ни у пресмыкающихся - ума нет. Птица - это что такое? А?

ПОП. Ну? И что такое это - "птица"?

ИУДА. А вот что! Ни у ней горя, ни заботушки - летает себе! Вот давеча смотрю в окно: копаются воробьи носами в навозе - и будет с них! А человеку - этого мало!

ПОП. Однако в иных случаях и Писание на птиц небесных указывает! Задумаемся об этом!

ИУДА. В иных случаях - это так. в тех случаях, когда и без ума вера спасает - тогда птицам подражать нужно. Вот богу молиться, стихи сочинять...

*Порфирий Владимирович умолкает, отец
благочинный все время вертится на месте и
одним глазом поглядывает в сторону
антресолей, и водки и закидать в утробу
закуски.*

Птицам ум не нужен, потому что у них соблазнов нет. Или, лучше сказать, есть соблазны, да никто с них за это не взыскивает. У них все натуральное: ни собственности нет, за которой нужно присмотреть, ни законных браков, а следовательно нет и вдовства. Ни перед богом, ни перед начальством они в ответе не состоят: один начальник у них - петух!

ПОП. Петух! петух! это так точно! он у них - вроде как султан турецкий!

ИУДА. А человек все так сам для себя устроил, что ничего у него натурального нет, а потому ему и ума много нужно. И самому чтоб в грех не впасть, и других в соблазн не ввести. Так ли, батя?

ПОП (*срочно выпивает, но уже с трудом*). Истинная это правда. И Писание советует соблазняющее око истребить.

ИУДА (*не унимается*). Это ежели буквально понимать, а можно, и не истребляя ока, так устроить, чтобы оно не соблазнялось. К молитве чаще обращаться, озлобление телесное усмирять. Вот я, например: и в поре, и нельзя сказать, чтоб хил ... Ну, и прислуга у меня женская есть ... а мне и горюшка мало! Знаю, что без прислуги нельзя - ну и держу! И мужскую прислугу держу, и женскую - всякую! женская прислуга тоже в хозяйстве нужна. На погреб сходить, чайку налить, насчет закуски распорядится ... ну, и Христос с ней! Она свое дело делает, я свое ... вот мы и поживаем!

Говоря это, Иудушка старается смотреть батюшке в глаза, батюшка тоже, со своей стороны, старается смотреть в глаза Иудушке. Но, к счастью, между ними стоит свечка, так что они могут вволю смотреть друг на друга и видеть только пламя свечи.

А притом, я и так еще рассуждаю: ежели с прислугой в короткие отношения войти - непременно она командовать в доме начнет. Пойдут это дразги да неполадки, перекоры да грубости: ты слово, а она - два... А я от этого устраниюсь.

ПОП (*качает головой и показывает на покойницу*). Тсс ...

ИУДА (*не слышит*). А ежели при этом еще так поступать, как другие ... вот как соседка моя, господин Анпетов, например, или другой соседка, господин Утробин ... так и до греха недалеко. Вон, у господина Утробина: никак, с шесть человек этой пакости во дворе копаются... А я этого не хочу. Я говорю так: коли бог у меня моего ангела хранителя отнял - стало быть, так его святой воле угодно, чтоб я вдовцом был. А ежели я, по милости божьей, вдовец, то, стало быть, должен вдовецу честно и ложе свое нескверно содержать. Так ли, батя?

ПОП. Тяжко, сударь!

ИУДА. Сам знаю, что тяжело, и все-таки исполняю. Кто говорит : тяжело! а я говорю: чем тяжелее, тем лучше, только бы бог укрепил! Не всем сладенького да легонького - надо кому-нибудь и для бога потрудиться! Здесь себя сократишь - ТАМ ...! Получишь! Здесь - "трудом" это называется, а ТАМ - заслугой зовется! Справедливо я говорю?

ПОП (*язвительно*). Уж на что же справедливее!

ИУДА. Тоже и об заслугах надо сказать. И они неравные бывают. Одна заслуга - большая, а другая заслуга - малая! А ты как бы думал!

ПОП (*совершенно пьяный*). Как же возможно! Большая заслуга или малая!

ИУДА. Так вот оно на мое и выходит. Коли человек держит себя аккуратно: не срамнословит, не суесловит, других не осуждает, коль он при том никого не огорчил, ни у кого ничего не отнял ...ну, и насчет соблазнов этих вел себя осторожно - так и совесть у того человека завсегда покойна будет. И ничто к нему не пристанет, никакая грязь! А ежели кто из-за угла и осудит его, так, по моему мнению, такие осуждения даже в расчет принимать не следует. Плюнуть на них - и вся недолга!

ПОП. В сих случаях христианские правила прощение преиму ... преиму ...щественное рекомендуют!!

ИУДА. Ну, или простить! Я всегда так и делаю: коли меня кто осуждает, я его прошу да еще и богу за него помолюсь! И ему хорошо, что за него молитва до бога дошла, да и мне хорошо: помолился, да и забыл!

ПОП. Вот это правильно ...Правильно это! Ничего так не облегчает душу, как молитва! (*Что-то пытается спеть, но быстро прерывается*). И скорби, и гнев, и даже болезнь - все от нее, как тьма ночная от солнца, бежит! Бежит, мать её!! (*Таращится на гроб*).

ИУДА. Ну, вот и слава богу! И всегда так вести себя нужно, чтоб жизнь наша, словно свеча в фонаре, вся со всех сторон видна была ... И осуждать меньше будут - потому на за что! Вот хоть бы мы: посидели, поговорили, побеседовали, милого друга маменьку помянули - кто же может нас за это осудить? А теперь пойдем да богу помолимся, а потом и баиньки!

Иудушка встает и с шумом отодвигает свой стул, в

знак окончания собеседования. Батюшка, со своей стороны, тоже поднимается и заносит было руку для благословения; но Порфирий Владимирович, в виде особого на сей раз расположения, ловит его руку и сжимает ее в обеих своих. Он собирается было что-то сказать, как вдруг двери в гостиную распахиваются, буквально влетает Улита.

УЛИТА. Барин! Барин!! Евпраксея разродилась! Тока-тока - маненько не доносила...

ИУДА (*умиротворенно*). Ну что ж, на все воля божья. (*Батюшке*). Уж очень она после кончины милого друга маменьки обоблезнилась.

УЛИТА. Мальчик!

ИУДА (*почти поет*). Владимиром назовем. (*Батюшке*). В честь святого и равноапостольного князя Владимира, сударь. Благословите, батюшка! Благословите!

ПОП. Господи, помилуй, мя...

ИУДА. Ну и слава богу! Прислуга она усердная, верная, а вот насчет ума - не взыщите! Оттого и впадают они... в ПРЕ-ЛЮ-БО-ДЕ-ЯНИЕ !!

С отцом благочинным начинают вдруг престранные вещи. Он вдруг что-то начинает мычать, метаться с вытаращенными глазами от гроба к антресолям, от антресолей ко гробу, наконец подскакивает к умильно

*ухмыляющемуся Иудушке, с невероятной
быстротой*

*крестится, наконец находит образа, падает перед
ними на колени, творит молитву...*

ПОП. Сатана... Сатана ... Спаси, господи ...сохрани, господи ..., помилуй мя, господи !!

*Батюшка, помотавшись некоторое время на
месте,*

*бросается в двери, и еще некоторое время в
коридорах*

*дома слышны его бессвязные, пьяные возгласы:
“Помилуй мя, сохрани мя...”*

Пауза.

УЛИГА. Чего это он ?

ИУДА (*поет*). С расстройства. Уж очень он милого друга маменьку, покойницу, Арину Петровну, любил и почитал. Так и сказал : “В рай ей,- говорит, - надо. В рай.”

УЛИГА. Барин, а , барин.

ИУДА. Чего тебе, милая ?

УЛИГА. Там молодой барин, Петр Порфирич , приехали.

*Лицо Иудушки становится бледно, но дышит
душевным просветлением; на губах играет
улыбка: глаза смотрят ласково, как бы
всепрощающе...*

блаженная

Картина третья.

*В гостиной - Иудушка и Евпраксея. Сын Петр
заходит как-то вяло, целует у отца руку,
кланяется*

*Евпраксеюшке, садится. Это малый лет двадцати
пяти, довольно красивой наружности, в
дорожной*

офицерской форме.

ИУДА. Ну, спасибо тебе! Спасибо! Вспомнил про отца! Обрадовал! Чай, и про бабушку-старушку вспомнил?

ПЕТЯ. И про бабушку вспомнил.

ИУДА. Ну вот, недождалась она тебя ... А как бы была рада! Любила она тебя, очень любила... (*Торжественно встает, обращается к образам, крестится, Петя следует за ним,*

Евпраксинья встает с явным усилием и тоже крестится). А как ждала!

Стой! да тебе, может быть, вспомнилось, что сегодня годовщина по брате Володеньке?

ЕВПРАКСЕЯ (*себе под нос*). Ишь ведь, что сделал! Ребенка отнял! словно щенка в омуте утопил!

ПЕТЯ (*смотрит на Евпраксею*). Да, и про это вспомнилось.

ИУДА. Да, брат, неласков ты! нельзя сказать, чтоб ты ласковый сын был!

ЕВПРАКСЕЯ (*разжигает себя*). По крайности, хоть теперь забавы бы у меня была! Володя! Володюшка! рожонный мой! Где-то ты? Чай, к паневнице в деревню спихнули!

ПЕТЯ (*опять смотрит на Евпраксею, старается понять, что происходит*). Каков есть!

ИУДА. Кажется, я об вас позаботился! даже здесь сидишь, а все думаешь: как бы получше да поскладнее, да чтобы всем было хорошононько да уютненько без нужды, да без горюшка ... А вы все от меня прочь да прочь!

ЕВПРАКСЕЯ. Ах, пропасти на вас нет, господа вы проклятые! Наделают ребят, да и забросят, как щенят в яму: никто, мол, не спросит с нас! Только родила, сразу и не увидела! Лучше бы мне себя ножом по горлу полыхнуть, нечем ему, охавернику, над собой надругаться давать!

ПЕТЯ. Кто же ... ВЫ?

ИУДА. Ну, ты ... да, впрочем, и покойник царство ему небесное, был такой же ...

ЕВПРАКСЕЯ (*сквозь зубы*). Уж как же у меня теперича против тебя, распостылого, сердце разожглось! Так разожглось!

ПЕТЯ. Что ж! я вам очень благодарен!

ИУДА. Никакой я от вас благодарности не вижу! Ни благодарности, ни ласки, ничего!

ПЕТЯ. Характер неласковый - вот и все. Да вы что все во множественном говорите? один уж умер ...

ЕВПРАКСЕЯ. Вот матушка Арина Петровна покойница говорила, будто он сам не знает, зачем говорит ... нет, в нем это злость действует! Знает он, который человек просит него защиты не имеет, - ну и вертит им, как ему любо!

ИУДА (*переводит наконец внушительный взгляд на Евпраксею*). Да, умер Володя, бог наказал. Бог непокорных детей наказывает. И все-таки я его помню. Вот завтра обеденку отстоим и панихидку отслужим. Он меня обидел, а я все-таки свой долг помню. Господи ты боже мой! да что ж это нынче делается! (*Пете*). Сын к отцу приехал и с первого же слова уже фыркает! Так ли мы в наше время поступали! Бывало, едешь в Головлево-то, да за

тридцать верст все твердишь: помяни, господи, царя Давида и всю кротость его! Да вот маменька была бы жива - она бы сказала!

ПЕТЯ. Теперь уж ничего не скажет.

ИУДА. Да, друг мой, мертвые молчат! Ну, думается мне, она тебя с того-то света еще не раз упрекнет!

ПЕТЯ. Меня?

ИУДА. Тебя, друг мой, тебя! За непочтение! Что нынче за ... не понимаю! не понимаю!

ПЕТЯ. И я не понимаю. Приехал я смирно, поздоровывался с вами, ручку поцеловал, теперь сижу, вас не трогаю, пью чай, а коли дадите ужинать - и поужинаю. С чего вы всю эту историю подняли?

ЕВПРАКСЕЯ (*смелеет, так, чтобы слышал Иудушка*). Ах ты, гнилушка старая! Ишь ведь как обошел! (*Осматривает Петю*). Хорошо бы теперича с дружкой пожить, да с настоящим, молоденьким! Обнялись бы, завалились, стал бы милый дружок целовать-миловать, ласковые слова на ушко говорить: ишь, мол, ты, белая да рассыпчатая! А тут вот сиди в четырех стенах, жди, пока тебе, старому, в голову вступит!

ИУДА. (*подозрительно*). Что такое сделалось? что это вы всю дорогу друг на друга смотрите?

ЕВПРАКСЕЯ (*зло*). А почему я знаю?

ИУДА. Может, сынок к тебе пристаёт?

ЕВПРАКСЕЯ. Чего ко мне приставать! просто давеча, сразу после родов Петр Порфирьевич подкараулил меня в коридоре...

ИУДА. Н-да, так вот оно что! (*Осматривает сына с головы до ног*). Ежели ты сюда пакостничать, мерзавец, приехал, так я тебя с лестницы велю сбросить! Понял? ! С лестницы велю сбросить! !

ПЕТЯ (*как-то тупо высказывается, разом*). Я, папенька, казенные деньги проиграл.

Пауза. Иудушка ничего не говорит. Только можно было заметить, как дрогнули у него губы. И вслед

за

тем он, по обыкновению, начинает шептать...

(*Петя поясняет*). Я проиграл три тысячи, и ежели послезавтра я их не внесу, то могут произойти очень неприятные для меня последствия.

ИУДА. Что ж, внеси! (*Любезно молвит*).

Несколько туров отец и сын сидят молча. Петя хочет

объясниться дальше, но у него захватывает горло.

ПЕТЯ. Откуда же я возьму деньги?

ИУДА. Я, любезный друг, твоих источников не знаю. На какие ты источники рассчитывал, когда проигрывал в карты казенные деньги, - из тех и плати.

ЕВПРАКСЕЯ (*снова, глядя себе на ноги, вступает в разговор*). Сказывают, в Мазулине Палагеюшка хорошо живет! (*Она встает, обернувшись всем корпусом к окну и развязно покачивает ногами, сложенными одна на другую*).

ИУДА (*второй раз возражает от неожиданности, Пете*). И ежели мы долго не едим хлеба видимого, то чувствуем голод телесный; если же продолжительное время не вкушаем хлеба духовного ...

ПЕТЯ. (*перебивает, повышает голос*). Вы сами очень хорошо знаете, что в подобных случаях люди об источниках забывают!

ИУДА. Ничего я, мой друг, не знаю. Я в карты никогда не игрывал- только вот разве с покойной маменькой в дурачки сыграешь, чтоб потешить старушку. И, пожалуйста, ты меня в эти грязные дела не впутывай, а давай-ка лучше попросим Евпраксеюшку, чтоб она нам чайку подала, может и поговорим о чем-нибудь, только уж, ради Христа, не об этом.

ЕВПРАКСЕЯ. Палагеюшка, слышь, в Мазулине хорошо живет!

ИУДА. А хорошо живет Палагеюшка - так и Христос с ней!

ПЕТЯ. Позвольте, однако ж, надобно же мне как-нибудь выйти из этого положения!

ИУДА. Надо, голубчик! Надо !!

ПЕТЯ. Так помогите же!

ИУДА. А это ... это уж другой вопрос. Что надобно как-нибудь выйти из этого положения - это так, это ты правду сказал. А как выйти - это уж не мое дело!

ЕВПРАКСЕЯ (*продолжает колобродить, явно пользуясь ситуацией*). Ейный-то господин никаких неприятностей ей не делает, ни работой не принуждает, и чай это ваш паскудный носить не велит, а между прочим, завсе в шелковых платьях водит!

ПЕТЯ. Но почему же вы не хотите мне помочь?

ИУДА (*звереет*). А потому что ...! Во-первых, что у меня нет денег для покрытия твоих дрянных дел, а во-вторых - и потому, что вообще это меня не касается. Сам напутал, сам и выпутывайся. Любишь кататься - люби и саночки возить. Так-то друг! Я ведь и давеча...

ЕВПРАКСЕЯ. И на всякий день у нее платья разные ... (*Бредит, словно во сне*). На сегодня одно, на завтра другое, а на праздник особенное. И в церкву в коляске четвертней ездят: сперва она, потом господин. А поп, как увидит коляску, трезвонить начинает. А потом она у себя в своей комнате сидит. Коли господину желательно с ней время провести, господина у себя принимает, а не то так с девушкой, с горничной ейной, разговаривает или бисером вяжет!

ИУДА (*наконец очнулся*). Ну, так что ж ?

ЕВПРАКСЕЯ. Об том-то я и говорю, что Палагеюшкино житье очень уж хорошо!

ИУДА. А твое небось худо житье? А-ах-ах, какая ты, однако ж ... ненасытная!

ЕВПРАКСЕЯ. Что говорить! (*Огрызается*). И мое житье не худое. В затрапезах не хожу, и то слава те господи! В прошлом году за два ситцевых платья по пяти рублей отдали... Расшиблись!

ИУДА. А шерстяное-то платье позабыла! А платок-то недавно кому купили? ах-ах-ах!

Евпраксея мечет в сторону Иудушки такой косой взгляд, исполненный такого глубинного презрения, что ему с непривычки становится жутко.

А ты знаешь, как бог за неблагодарность наказывает? (*Лепечет как-то нерешительно.*) Да ты знаешь ли, бесстыдница, кто из вашего званья в шелковых-то платьях ходит?

ЕВПРАКСЕЯ (*поглядывая на Петю*). Не знаю, почему они беспутные ... Известно, господа требуют... который господин нашу сестру на любовь с собой склонил ... ну, и живет она, значит... с им! И мы с вами не молебны, чай, служим, а тем же, чем и мазулинский барин, занимаемся.

ИУДА. Ах ты. Мерзкая! Побойся бога! При сыне! Вон отсюда!

ЕВПРАКСЕЯ. Будет! повластвовали! Наслушалась я довольно; послушайте теперь вы, каковы мои слова будут!

Порфирий Владимирович бросается было на нее со сжатыми кулаками, но Евпраксея так решительно выпячивает вперед свою грудь, что он внезапно опешил. Он оборачивается лицом к образу, воздает руки.

ПЕТЯ. Н-да . Много у вас на языке слов.

Иуда резко разворачивается и двигается на Петю.

ИУДА. Постой! Постой, сынок! Попридержи свои дерзости! На дрянные дела у меня денег нет и нет! И не будет ,ты это знай! И не смей говорить, что это одни “слова”.

ПЕТЯ. Подумайте однако ж , что со мной будет!

ИУДА. А что богу угодно, то и будет... (*Опять воздает руки, искоса поглядывая на образ*).

Пауза. Петя бледнеет, Евпраксея с интересом слушает разговор отца и сына.

ПЕТЯ. Я - последний сын у вас ... не забудьте об этом!

ЕВПРАКСЕЯ. Неправда ваша, барин. Предпоследний.

ИУДА (*повышает голос*). У Иова, мой друг, бог все взял, да он не роптал, а только сказал: бог дал, бог и взял - твори, господи, волю твою! Так-то, брат!

ПЕТЯ. То бог взял, а вы сами у себя отнимаете. Володя ...

ЕВПРАКСЕЯ. Володя!

ИУДА. Ну, это вы, кажется пошлости начинаете говорить.

ПЕТЯ. Это не пошлости! А правда! Всем известно, что Володя

...

ЕВПРАКСЕЯ (*язвительно*). Баринушка! да что такое? Говорите! Что случилось?

ИУДА (*орет, кидается на Евпраксею*). Если ты, девка распутная, еще когда-нибудь... в кабинет ко мне ... Убью!!

Иудушка со звериным рыком бросается на Евпраксею

та, взвизгнув, убегает, едва не вынеся на своей спине косяк.

ПЕТЯ. Убийца!

ИУДА (*дрожит от волнения*). Ты про кого это говоришь? !

ПЕТЯ. Так, про одного знакомого.

ИУДА. Ты бы лучше за добра ума уехал! Да !!

ПЕТЯ. И то уеду

ИУДА. Ну, давай! С богом!

ПЕТЯ. Нет! Я еще не поеду. Я еще в церковь пойду, попрошу панихиду по убиенном рабе божием, Владимире, отслужить.

ИУДА. По самоубийцу, то есть ...

ПЕТЯ. Нет, по убиенном.

ИУДА. Кто же его убил ? ! Кто ? !

ПЕТЯ. Вы !!

ИУДА. Я ?!

ПЕТЯ. Вы! вы! вы!

ИУДА. Стало быть, я убил Володеньку?

ПЕТЯ. Да, вы!

ИУДА (*пытается унять дрожь*). А по-моему, это не так... По-моему, он сам себя застрелил. Я в то время был здесь, в Головлеве, а он - в Петербурге. При чем же я тут мог быть? как мог я его за семьсот верст убить?

ПЕТЯ. Будто вы и не понимаете?

ИУДА. Не понимаю ... видит бог не понимаю!

ПЕТЯ. А кто Володю без копейки оставил? кто ему жалование прекратил? кто?!

ИУДА. Те-те-те! так зачем он женился против желанья отца?

ПЕТЯ. Да ведь вы же позволили?

ИУДА. Кто? Я ? Христос с тобой! Никогда я не позволял! Никогда!! Он мне в то время написал: хочу, папа, жениться на Лидочке. Понимаешь: “хочу”, а не “прошу позволения”. Ну и , я ему ответил: коли ХОЧЕШЬ жениться, так женись, я препятствовать не могу! Только всего и было. Он у меня позволения и просил, он прямо написал: ХОЧУ, папа, жениться на Лидочке - ну, и я насчет

позволения умолчал. ХОЧЕШЬ жениться - ну, и Христос с тобой! женись, мой друг, хоть на Лидочке, хоть на разлидочке - я препятствовать не могу! Я, брат, в чужие дела не вмешиваюсь! Да, не прошу, чтоб и другие в мои дела вмешивались. Да, не прошу, не прошу и даже ... запрещаю! Слышишь ли, дурной, непочтительный сын, за-пре-щаю!!

ПЕТЯ. Запрещайте, пожалуй! Воем ртов не замажьте!!

ИУДА. И хоть бы он раскаялся! хоть бы понял, что отца обидел! Ну, сделал пошлость - ну и раскайся! Попроси прощения! простите, мол, душенька папенька, что я вас огорчил! А то на-тко!

ПЕТЯ. Да ведь он писал вам; он объяснял, что ему жить нечем, что дальше ему терпеть нету сил ...

ИУДА. Ему жить незачем! Слышь, ты! НЕ-ЗА-ЧЕМ!!С отцом не объясняются-с! У отца прощенья просят - вот и все!!

ПЕТЯ. Вот и я ...

Сказавши это, Петенька вдруг перестает качаться на стуле, оборачивается к столу обоими руками.

Вот и я ... *(Чуть слышно произносит он ...)*

Вот и я ... *(Повторяет он, раздражаясь истерическими рыданиями ...)* Не прямее ли мне взять револьвер ... и приставить его к виску ... господа ...! я недостойн носить ваш мундир ...! я растратил казенные деньги !!! и потому сам себе произвожу справедливый и строгий суд! Бац - и все кончено! Исключаемая из списков УМЕРШИЙ поручик Головлев...! Товарищи сказали бы ... ты был несчастен, ты увлекался, но ... ты был БЛАГОРОДНЫЙ человек ...!

Петя, раздираемый рыданиями, выбегает вон из кабинета, вслед за ним сразу же входит Евпраксенья,

вновь вальяжная, грызущая семечки...

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Барин, а , барин. А знаете, что покойница, матушка ваша, Арина Петровна, крикнула перед смертью?

ИУДА. Ну ... И что же ...

ЕВПРАКСЕНЬЯ. А будто вы не знаете?

ИУДА. Нет ... не знаю ...

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Что, правда не слышали ...?

ИУДА. Нет ... не слышал...

ЕВПРАКСЕНЬЯ. Ну так вот ... Она крикнула ... *(Истошно, во всю мощь своих необъятных легких, орет.)*

ПРОКЛИНАЮ !!!

Картина четвертая.

Иудушка сидит в своем кабинете, в не первой молодости халате, нацепивши пенсне, держа в трясущихся руках бумагу, читает ее ...

ИУДА. “Уведомление” ... Уведомление ...

“ ... довожу да вашего сведения, что сын ваш ... “

Что сын ваш.

“...Петр Порфириевич Головлев, поручик ...”

Головлев, поручик.

“...осужденный в ссылку за растрату казенной суммы денег ...”

Осужденный.

“ ... не доехавши до места ссылки ... ”

Не доехавши.

“ ... слег в одном из попутных городов в больницу и умер.”

Умер.

Пауза. Иудушка аккуратно складывает бумагу, кладет ее в стол, вынимает из ящика чистый лист, долго выбирает перо, очиняет его, и, высунув язык, начинает писать, произнося текст вслух.

“ Преступный сын Петр!

Наказание, коему ты подвергся, тяжело, но вполне тобою заслужено - такова первая и самая главная мысль, которая отныне всегда должна тебе в твоей новой жизни сопутствовать. Ты уже вкусил от горьких плодов высокоумия, попробуй же вкусить и от плодов смирения, тем более что ничего другого для тебя в будущем не предстоит. Возродись же для новой жизни, возродись совершенно, а я , со своей стороны, буду неустанно молить подателя всех благ о сниспослании тебе смирения ... и даже в сей самый день, как пишу эти строки, непременно буду в церкви и пошлю о сем горячие мольбы.

Затем благословляю тебя на новый путь и остаюсь ...”

Пауза. Иудушка прерывается и смотрит перед собой,

старательно перебирая в уме подходящие слова.

“ ... негодующий, но все еще любящий и помнящий тебя ...

отец твой ...

Порфирий Головлев.”

Он встает и подходит к окну, - на дворе ночь, метель,

и только слабое пламя свечи показывает нам слабые очертания его странного лица.

(Молвит себе сам.) За каждый грех ... за каждый грех ... Во аде возмездие особенное ...

Он подходит к образам и равнодушно на них смотрит,

и не думая воздавать молитвы...

(Иконе). Сил моих нет, а рад бы ... Кабы прежние силы, конечно, еще пожил бы, повоевал бы. Нет! Уеду отсюда к Троице-Сергию укроюсь под крылышко к угоднику - никто и не услышит меня. А уж мне-то как хорошо будет: мирно, честно, тихо, ни гвалду, ни свары, ни шума - точно на небеси!

Он, как бы окрыленный этой идеей, спешно собирает, надевает прямо на халат тулуп, кидает в дорожный саквояж все подряд, проходит мимо окна...

Дым... Одиннадцать часов било, а попадя еще не отстряпалась ... вечно эти попы трескают!

Или ночь?

Он проходит мимо образов, и, не секунды не мешкаясь, снимает икону со стены и кидает ее в сумку вместе с лампадкой...

Он выходит из кабинета в гостиную и видит длинный обеденный стол, накрытый траурным сукном, на обыкновенном его месте стоит только пустой. Вдоль стола сидят отец его, Михайлович Головлев, в белоснежной ночной рубашке и белом колпаке; его брат Степан; врат старший сын его Володя, младший сын Петя, и какой-то мальчик, совсем маленький.

Иудушка как бы и ни мало не удивлен происходящим, он только молвит:

А где ... А где маменька ...?

Пауза. Все, кто за столом, сидят, и молча смотрят прямо перед собой.

ОТЕЦ. Вот оно...

Скуластое лицо холопа

Не стало рожа, стало жопа.

СТЕПАН. Увидит маменька в тулупе-то - может, и пожалеет! Пожалеет, как не пожалеть! Мать - ведь она старуха добрая!

ППАВЕЛ. Не увидит она его. Прокляла.

ИУДА. А вы ... А вы... нет ?!

ОТЕЦ. Что мы ?

Нам, мужчинам, не рожать.

Сунул, вынул, и бежать.

ИУДА. Володя ...Володечка ...Сынок ...Как там тебе ... В АДУ ? Самоубийц там ...жалуют ?

ВОЛОДЯ. А я, папенька, не самоубийца. Я тобой убиенный. Я, папенька, пребываю в раю. В раю, папенька, хорошо.

ИУДА. Вот и слава богу! Одного Володеньку бог взял. другого-дал! Вот оно, бог-то! В одном месте теряешь, думаешь, что и не найдешь - ан бог-то возьмет да в другом месте сторицей вознаградит! *(Судорожно извлекает икону из саквояжа, собирается ее поцеловать, как вдруг резко меняется в лице: на лице его выражение неопишемого ужаса.)*

ОТЕЦ. Что сынок?

Нельзя ль довольну в свете быть
И не иметь желаньев вредных?
Не захотел ли в АД сойтить,
Чтоб перееть там тени смертных?
Где вместо завесов висящих
Вкруг храма всё висят...
МУ-ДЕ !!!

ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!!

ПЕТЯ. А вот он , папенька, Володечка-то *(Указывает на мальчика)*. Помер он. Помер в воспитательном доме. Нету у тебя больше никого, папенька. И тебя нет.

Иудушка, поставив на пол саквояж, медленно движется ко гробу, плавно двигаясь за спинами сидящих словно плывет ...

Неожиданно дверь в гостиную распахивается, врывается яркий свет, слышны разговоры:

ГОЛОС ПРОХОРА. Евпраксея Никитишна! а Евпраксея Никитишна!

ГОЛОС ЕВПАРКСЕИ. Чего надобно?

ГОЛОС ПРОХОРА. Ключ от чаю пожалуйста, барин чаю просят!

ГОЛОС ЕВПАРКСЕИ. Подождет ... кикимора!

Проходит минута, и появляется сам Прохор, изрядно

пьяный, гремит ключами, силится что-то разглядеть

в темной гостиной.

ПРОХОР. Барин, а , барин! Тут эта ... Племяннушка ваша Анна ... Анна, как ее то бишь ... По батюшке ... Забыл! Ну, артисточка-то эта ... В гости пожаловали!

Иудушка медленно выдвигается из тьмы гостиной и бредет к Прохору, воздав к нему руки...

ИУДА. Врете ... Врете ... Врете !!!

ПРОХОР *(пятится в сторону)*. Э, барин ... Барин! Вы таво ета? Может, чаю, а, барин?

Иудушка одной рукой берет его за грудки, другой тычет в глубину гостиной.

ИУДА. Бог за всех, а мы друг по дружке! Друг по дружке!!

ПРОХОР (*в ужасе*). Барин! Погореловская барышня, Анна ...
(*Икает*). Семеновна приехали! Или чаю-с?

ИУДА (*Прохору*). Что от тебя за запах, рожа?

ПРОХОР. А ?

ИУДА (*с нарастающей силой*). Я спрашиваю, что за запах? !

ПРОХОР. А! А я рыбку в самогон воткну, и ем. Закусываем,
выше благородия ...

ИУДА. М-а-а-алчать! Чего надо ? !

ПРОХОР. Чаю! Или ... Погореловская барышня...Анна
Семеновна приехали ...

Картина пятая.

Все тот же длинный стол в гостиной дома Гловлевых. С одного конца сидит Иудушка, в наряде: тулуп поверх халата, напротив - том же Анненька. почти нет то слабое, вдавленными вялыми сутулое, почти великолепная коса ее выглядит как-то только глаза, вследствие общей худобы еще больше, чем прежде, и горят блеском.

Она до такой степени изменилась, что возможности узнать ее. Это какое-то щедушное существо с впалой грудью, щеками, с нездоровым румянцем, с телодвижениями, сущесво сгорбленное. Даже то мизерно, и лица, кажутся лихорадочным

ИУДА. Ну, вот, ты и приехала! Чего хочешь? чаю? кофею? распорядись!

АННА. Дядя! я к вам! (вдруг начинает плакать).

ИУДА. Ну что ж! Милости просим! Комнат у меня довольно - живи!

АННА. Больна я, дяденька! очень, очень больна!

ИУДА. А больна, так ми богу молиться надо! Я и сам, когда болен, - все молитвой лечусь!

АННА. Умирать я приехала к вам, дядя!

Порфирий Владимирович испытывающим оком оглядывает ее, и чуть заметная усмешка скользит по его лицу.

ИУДА. Доигралась? (Произносит он чуть слышно, почти про себя).

АННА. Да, доигралась. Любинька - та "доигралась" и умерла, а я вот... живу!

При известии о смерти Любиньки Иудушка набожно крестится и молитвенно шепчет. Аннинька продолжает горько плакать.

ИУДА. Вот плакать и отчаиваться - это грех! По-христиански, знаешь ли, как надо? на плакать, а покоряться, и уповать - вот как по-христиански надо жить!

АННА (*откидывается на спинку стула, и, тоскливо повесив руки, повторяет*). Ах, уж и не знаю, не знаю, не знаю!

ИУДА. Ежели ты об сестрице так убиваешься - так и это грех! Потому что хотя и похвально любить сестриц и братцев, однако, если богу угодно одного из них или даже и всех призвать к себе ... (*пустыми глазами оглядывается вокруг*).

АННА. Ах, нет, нет! Вы, дядя, добрый? добрый вы? Скажите! (*Бросается к нему и обнимает*).

ИУДА. Ну, добрый, добрый! ну, говори! хочется чего-нибудь? закусочки? чайку, кофейку! требуй! сама распорядись!

АННА (*успокаивается*). Благодарю вас, дядя. Ничего особенного мне не нужно. Я заранее уверена, что буду всем довольна.

Пауза.

ИУДА. Так ты говоришь, что Любинька умерла?

АННА. Умерла, дядя.

ИУДА. Ну, царство небесное! Роптать - грех, а помянуть - следует. Помянем, что ли?

АННА. Помянем, дядя.

Выпивают.

ИУДА. Вот ты какая! ... Так ты говоришь, что Любинька сама от себя умерла?

АННА. Приняла яд, дядя. И мне предлагала, говорила : “Пей, подлая!”

ИУДА. Так и сказала: пей ... подлая? !

АННА. Да, сказала.

ИУДА. А ты ...ОСТАЛАСЬ? не выпила?

АННА. Да ... вот живу...

ИУДА (*подходит к ней, целует, гладит по голове*).Бедная ты! бедная моя!

АННА (*почти кричит*). Дядя! вы добрый? скажите, вы добрый?

Прерывающимся голосом, среди слез и рыданий, твердит она свой вопрос, тот самый, который мучит ее, и на который она только что получила такой нелепый ответ.

Вы добрый? скажите! ответьте! вы добрый?

Пауза.

ИУДА. Ах, какие страдания! Какие это были страдания! Ведь только такими страданиями и можно ... И простил! всех навсегда простил!

Он начинает ходить большими шагами по комнате, убиваясь, страдая и не чувствуя, как лицо его покрывается каплями пота.

Всех простил! не только тех, которые ТОГДА напоили его оцтом с желчью, но и тех, которые и после, вот теперь и впредь во веки веков будут подносить к его губам оцет, смешанный с желчью...Ужасно! ах, это ужасно!

Он вдруг останавливается перед ней

А ты ... простила?

Она бросается к нему и крепко его обнимает.

Надо меня простить! За всех ... И за себя ... И за тех, которых уже нет ... Что такое! что такое случилось (*говорит почти растерянно, озирается кругом*).

где ... ВСЕ ?

Он как в бреду, скидывает с себя тулуп, остается в одном халате, движется к двери.

АННА. Дядя! (*Вытирает слезы*). Вы ... КУДА ?

ИУДА. Что ?

АННА. Вы ... КУДА ?

ИУДА. Надо на могилку к покойнице маменьке проститься сходить...

При этом напоминании ужасное, томительное беспокойство овладевает всем существом его...

Картина одиннадцатая.

Кабинет Иудушки. В его постели, со всеми признаками горячки лежит Анна. Открывается дверь, входит мужчина в военной форме.

ОФИЦЕР. Сударыня, прошу извинить.

АННА (*вскакивает на подушки, прикрывается одеялом*). А ?
вы кто ?

ОФИЦЕР. Сегодня рано утром, из ближайшей деревни...

АННА. Вы кто ?

ОФИЦЕР. Из деревни ближайшей к погосту, где схоронена покойная хозяйка этого имения, Арина Петровна Головлева, царство ей небесное... (*Снимает фуражку, ищет образа, но их нет, надевает фуражку обратно*). Прискакал верховой с известием, что в нескольких шагах от дороги...

АННА (*в истерике*). Кто вы ? ! !

ОФИЦЕР. В нескольких шагах от дороги найден заочневший труп .Иу...головлевского барина.

Порфирия Головлева.

Офицер отдает честь, уходит.

ЗАНАВЕС.